

ИЖЕ ТАКО БОЛЮБЫВЫИ ПАТРИАРХИ
ПРО
ВЛАДИМИР
ЖЕРТВОУ ПРИ
ПАУЛА ГЛГОИ
ЩЕДРОТЫ БОЖІА, ПРЕДСТАВИТИ

Ратные подвиги Древней Руси

История допетровской Руси

Владимир Волков

Ратные подвиги Древней Руси

«Алисторус»

2011

Волков В. А.

Ратные подвиги Древней Руси / В. А. Волков — «Алисторус», 2011 — (История допетровской Руси)

Военная история Московской Руси, по сути, неизвестна современному читателю. Между тем, это было время, когда наше Отечество, освободившись от татаро-монгольского ига, утверждало себя в многочисленных войнах с восточными и западными соседями. Именно в то время закладывалась основа будущей регулярной русской армии. Автор собрал в книге огромный фактический материал о ратных подвигах наших предков, большая часть которых стала предметом исторического исследования впервые.

© Волков В. А., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Алексеевич Волков

Ратные подвиги древней Руси

Введение

На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Успех этой объединительной политики обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы и могущество ее войска, уже тогда значительно превосходящего по боевым возможностям вооруженные силы других государств Северо-Восточной и Северной Руси.

Временем больших перемен стали 60—80-е гг. XV в. Иван III, придя в 1462 г. к власти, упрочил союзные отношения с Тверью, Рязанью и Псковом, сокрушил Новгородскую вечевую республику и, бросив вызов Орде, освободил Русь от двухсотлетнего татарского ига. С 1480 г. начинается история независимого Московского государства, самостоятельно определявшего свою внешнюю и внутреннюю политику. Важнейшим инструментом ее оставалась армия, претерпевшая значительные изменения, обусловленные политическим и экономическим укреплением страны, возможностью создания поместного войска – многочисленного дворянского ополчения, налаживания масштабного пушечно-литейного производства. Возросший потенциал вооруженных сил московские государи использовали при отражении набегов и вторжений татарских орд, урегулировании спорных территориальных проблем с Великим княжеством Литовским, Ливонским Орденом и Шведским королевством. Частые военные конфликты способствовали дальнейшему совершенствованию организации русского войска, его управления, вооружения и снабжения. Особенно заметные изменения московская армия претерпела в середине XVI в. и во второй четверти XVII в. При Иване IV в ее составе появились «приборные» войска – стрелецкие и казачьи части, при Михаиле Федоровиче – полки солдатского, драгунского и рейтарского строя.

* * *

В последнее время в российском обществе отмечен значительный интерес к отечественной военной истории, в том числе к событиям рассматриваемого периода. Наглядным проявлением этого стало переиздание ряда работ по истории военного искусства, вооружения, фортификации, публикация новых источников, выход в свет специализированных журналов и альманахов.

Однако ряд ключевых проблем военной истории России остается на периферии научных исследований. Так, почти не привлекают внимания специалистов вопросы изучения основных закономерностей военно-политического развития Московского государства XV—XVII вв., хотя в XIX – начале XX в. такая работа велась систематически. Первым к изучению истории русской армии приступил генерал-майор И.И. Русанов, составивший около 1792 г. труд «Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были». Трактат Русанова хранился в рукописном виде в Российском государственном архиве древних актов, где и был обнаружен Л.Г. Бескровным, подробно его описавшем в своей книге «Очерки военной историографии России» (М., 1962). К сожалению, впоследствии уникальное сочинение оказалось утраченным.

В начале XIX в. появились работы, посвященные наиболее известным событиям русской военной истории. Среди них выделяются книги И. Михайлова («Храм славы, воздвигнутый победоносным российским ополчением самодержцу своему царю Иоанну Васильевичу Второму, или Подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами, как под собственным предводительством царя Иоанна Васильевича, так и его военачальников и присоединение Казанского и Астраханского царств к Российской державе со включением множества любопытнейших происшествий, случившихся в продолжение битв, взятые из разных летописцев». М., 1800) и Т.С. Мальгина (Российский ратник или общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 г. М., 1805). Ценность их сочинений снижал существенный недостаток: авторы, использовавшие в качестве источников летописи, в основном воспроизводили содержащиеся в них сообщения, воспевавшие доблесть и подвиги русских воинов.

Новый этап в изучении русской военной истории наступил после обнаружения, изучения и публикации важнейших архивных документов, перевода сочинений иностранных авторов, касающихся организации вооруженных сил Московского государства.

Основываясь на этих материалах, отечественная историческая наука сделала колоссальный шаг вперед. Первое дошедшее до нас специальное исследование русской военной истории, в том числе и московского периода, было предпринято Р.М. Зотовым, автором сочинения «Военная история Российского государства». (СПб., 1839). Приступая к работе, он высказал сомнения в достоверности сведений о древнейшей Руси («грустный скептицизм распространился на нашу историю»), подчеркнув, что только с XII в. содержащаяся в источниках информация несет точную информацию о прошлом и на нее можно положиться. Автор сильно сузил рамки исследования, стремясь: «собрать в одну книгу все военные события России, не входя в политические исследования и прочие подробности, до полной истории государства касающиеся». Придерживаясь выбранной линии, Зотов пошел по пути простого изложения имевших место военных происшествий, часто не объясняя их, хотя признавал, что они самым непосредственным образом были связаны с «подробностями, до полной истории государства касающимися». Примером служит описание крымского нашествия 1521 г. Сообщив о нем, Рафаил Михайлович не отметил факта полной капитуляции московского правительства, вынужденного дать письменное обязательство о выплате дани крымскому хану. Тем не менее следует отдать должное добросовестности автора, который подробно перечислил основные факты, касающиеся войн Руси с Казанью, московско-крымских столкновений, конфликтов с Литвой, Швецией и Ливонией, событий польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в., Смоленской войны 1632—1634 гг. Однако им было допущено несколько существенных ошибок. Так, сообщая о противниках Московского государства второй половины XV в., автор, помимо Литвы и Казани называет Крымское ханство. На самом деле Москва и Крым до начала XVI в. являлись союзниками в борьбе с Большой Ордой и Великим княжеством Литовским. Отношения с Казанью знали продолжительные периоды мирных и добрососедских отношений. Совершенно искаженным оказалось у Зотова описание нашествия Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., во время которого царь, якобы, «воображая себя преданным и войском и вельможами, скрылся в Коломну, а татары зажгли предместья Москвы». В действительности Иван IV, после обнаружения опасного прорыва крымской армии через Оку и Жиздру, ушел с «берега» мимо Москвы в Ростов и, опасаясь преследования, собирался отступить в Ярославль. Неточным является утверждение автора о том, что русские ратники «были худо вооружены [и] только пехота имела пищали». В конце XVI в. на южной границе несли службу многочисленные конные дворянские отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Приведенные Зотовым размеры окладов начальных лиц полков «немецкого строя» (в «ефимках», получивших распространение после 1654 г.) относятся лишь к краткому периоду Смоленской войны 1632

—1634 гг. Позже они были значительно сокращены. Несмотря на эти недостатки, книга Зотова стала заметным событием в деле изучения русской военной истории, так как автор обозначил ряд недостаточно проработанных в отечественной науке проблем.

Почти одновременно с Зотовым попытку осмыслить закономерности развития российских вооруженных сил предпринимают военные историки, преподаватели Военной академии – генерал-майор И.Ф. Веймарн-2 и вице-директор этого учебного заведения Л.И. Зедделер. В 1840 г. была напечатана «Высшая тактика» Веймарна, содержащая обширный раздел, посвященный истории военного искусства, в том числе и русского. Важную роль в развитии военного дела в нашей стране автор отводил Ивану III, отметив, что он «уничтожил многие уделы и, соединив их с Великим княжеством московским, начал давать боярским детям земли, возложив на них обязанность, выставляя на случай войны, по требованию правительства, известное число пеших и конных воинов, соответственно обширности пожалованной земли». По достоинству оценены были изменения, произошедшие при Иване IV, учредившем стрелецкое войско и упорядочившем службу воинов дворянского ополчения, при Михаиле Федоровиче, усилившем армию полками иноземного строя. Однако многие выводы и предположения Веймарна оказались ошибочными. Прежде всего, это относится к оценке боевых возможностей стрельцов. Считая служилых людей «по прибору» особым сословием, историк отмечал, что после событий Смутного времени начала XVII в. в их среде «вкоренились» своеволие и буйный дух, что сделало стрельцов «более опасными для своих сограждан, нежели для врагов отечества». Нельзя согласиться с утверждением Веймарна об отсутствии обозов в русской армии, так как воины, якобы, «все необходимое возили за войском на вьючных лошадях». Этим утверждением автор стремился обосновать один из своих главных выводов – якобы имевшее место сходство действий русского, татарского и турецкого войска, но дошедшие до нас документы свидетельствуют о существовании в московской армии обозной службы не только в конце XVI – XVII вв., когда отправлявшиеся в поход помещики заранее (как правило, еще «по зимнему пути») отправляли запасы с «кошевыми» людьми к месту сбора войска, но и в более раннее время. В противном случае было бы невозможно организовать доставку на театр военных действий артиллерии, боеприпасов и сооружений «гуляй-города», первое упоминание о котором относится к 1530 г. Большие обозы сопровождали русскую армию во время Полоцкого похода 1562/1563 гг.; после сражения на реке Уле в 1564 г. литовцы захватили от 3 до 5 тысяч русских повозок. Обращаясь к истории казачества, Веймарн не столько проясняет, сколько запутывает ее. Он считает, что обитавшая на Дону вольница – это азовские казаки, в XV в. совершавшие нападения на русские земли, а в 1549 г. признавшие власть Ивана IV и сделавшиеся для России «надежным оплотом против покушений крымских татар». Контакты между русским и азовским вольным казачеством, безусловно, существовали, но схема Веймарна полностью исключает из сложнейшего процесса образования донского казачества рязанских, мешерских и путивльских казаков, в XV – начале XVI в. уходивших «в молодечество» на «запольные» реки.

Через три года после выхода в свет «Высшей тактики» Веймарна обширный труд «Обозрение истории военного искусства» подготовил и издал Л.И. Зедделер. Вторая часть написанной им книги включала небольшой раздел, посвященный состоянию военного дела в древней и средневековой России. В работе автор использовал документы, опубликованные в «Актах исторических», разрядные записи, сочинения Авраамия Палицына и иностранцев – участников польско-литовской интервенции. Летописями Зедделер не пользовался, черпая фактический материал из сочинений Н.М. Карамзина и Р.М. Зотова, многие наблюдения которого воспроизвел почти дословно. Учитывая сказанное, обращение Зедделера к проблемам российской военной истории нельзя признать удачным. Ошибочным является его утверждение о появлении при Иване III, в русской армии «гуляй-городов». Как известно, первые сведения о наличии в русском войске таких сооружений относятся лишь ко времени осады Казани в 1530 г.

Явно завышена автором численность русского войска при Борисе Годунове, якобы доходившая до 500 тыс. человек. В то же время Зедделер стал одним из первых исследователей, обративших внимание на предпринятую кн. М.В. Скопиным-Шуйским в 1609 г. попытку обучения русских ратников «по правилам, введенным в Голландии принцем Маврикием Нассавским», предусматривающим проведение «примерных боев», устройство окопов и острожков. При всех отмеченных недостатках книги Зедделера и Веймарна выгодно отличались от других военно-исторических работ того времени, полностью игнорировавших специфические черты русского военного искусства. К числу последних относятся сочинения М.И. Богдановича, сосредоточившего внимание на изучении военных аспектов всеобщей истории.

Помимо разработки обзорных курсов истории военного искусства, продолжалось изучение отдельных военных эпох. Наиболее заметной работой стало сочинение Д.П. Бутурлина «История Смутного времени в России в начале XVII в». (СПб., 1839—1846). В отечественной историографии взгляды этого автора, как правило, осуждались и отвергались. Весьма показательную характеристику ему дал известный советский историк Л.Г. Бескровный: «Монархист-реакционер, убежденный противник декабристов, он выступал душителем прогрессивных идей не только в области военной истории». Но, если рассматривать труд Бутурлина беспристрастно, нельзя не отметить с какой добросовестностью автор подошел к работе, используя широкий круг источников, в том числе обширный актовый материал, летописи, записи разрядных книг, сочинения А. Палицына, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, С. Жолкевского, С. Маскевича, Г. Паерле, П. Петрея, «Историю» Ю. Видекинда и т. п.

Приступая к исследованию, Бутурлин подчеркнул, что «начало XVII века в России ознаменовано событиями чрезвычайными, кои тем более изумляют нас, что история предшествующего полувека нисколько не приготовляет к оным». Историк противопоставляет времена Бориса Годунова и Ивана Грозного, «неистовствам» которого русский народ «двадцать четыре года сряду безропотно покорялся», и формулирует цель работы – выяснение причин «дивных переворотов» Смутного времени, «важным следствием коих было изменение в общественном устройстве самого многолюдного сословия в России». Поражаясь необъяснимости народного бунта, разорвавшего «узы законной подчиненности», Бутурлин сознательно драматизирует сложившуюся в стране в канун Смутного времени ситуацию, зная ответ на свой вопрос: ситуацию в стране взорвало начавшееся «пагубное для России по последствиям» закрепощение («укрепление») крестьян. Историк связывал его с расширением границ и усилением «бродяжничества» сельского населения. В эпоху мощных социальных конфликтов, потрясающих основы российской государственности, «одна самодержавная власть, сосредоточенная в руках мощного государя, подкрепляемая единодушной преданностью первейших сословий, могла обуздать порождающуюся крамолу и спасти несчастное Отечество». Многие выводы и оценки автора до настоящего времени не потеряли значения. Так, анализируя сообщение Видекинда (заимствованное последним у С. Кобержицкого) о битве на р. Ходынке, Бутурлин убедительно опроверг приведенную им цифру русских потерь – 14 тыс. человек, показав, что они составили 1400 человек.

Особую ценность сочинению Бутурлина придает публикация приложений – важнейших памятников Смутного времени. К сожалению, изложение событий истории «Великого Московского разорения» начала XVII в. автор оборвал описанием вступления польских войск в Москву в сентябре 1610 г. Организация земских ополчений Смутного времени и перипетии освободительной войны русского народа против польско-литовской и шведской интервенции остались за пределами работы Бутурлина.

В середине XIX в. проблемы военной истории начинает разрабатывать И.Д. Беляев. В известных работах «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича». (М., 1846) и «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим».

(М., 1846) исследователь затронул важнейшие вопросы организации охраны и обороны границ Московского государства, попытался определить принципы комплектования армии и вспомогательных частей, порядок службы ратных людей, коснулся изменений, произошедших в вооруженных силах России в 30—40-х гг. XVII в. В целом выводы Беляева сохранили значение и в наше время. Им впервые, задолго до публикации полного текста, был введен в научный оборот «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», разработанный в 1571 г. под руководством М.И. Воротынского, определены маршруты движения станичных дозоров и места расположения сторожевых застав, историк зафиксировал изменения, произошедшие в организации станичной и сторожевой службы на рубеже XVI и XVII вв. Строгое следование фактам, почерпнутым в документальных памятниках изучаемого периода, уберегли Беляева от опасного стремления дополнить сохранившуюся в источниках информацию собственными предположениями. Его заключения точны и безукоризненны. Их трудно опровергнуть, но можно дополнить новыми материалами, неизвестными в середине XIX в. Работая над книгой о русском войске XVII в., Беляев обратил внимание на его состав, комплектование, снабжение и вооружение, продемонстрировав прекрасное знание предмета и понимание важности поднимаемых проблем. Военные историки того времени были далеки от этого, отдавая предпочтение изучению деятельности полководцев. Даже полвека спустя, ряд разрешенных Беляевым вопросов, например о поместных и городских казаках, боевых холопах, сражавшихся вместе с помещиками, воспринимался историками «в погонах» (Д.Ф. Масловским, А.К. Баиовым) в совершенно искаженном виде.

Заметным явлением в развитии российской военной историографии стали работы Н.С. Голицына. Особый интерес представляет его фундаментальный труд «Русская военная история», вторая часть которого («От Иоанна III до Петра I», Ч. 2. СПб., 1878) касается проблематики настоящего исследования. Автор широко использовал летописи, мемуары и дневники иностранцев, записи Авраамия Палицына и С.И. Шаховского. Впервые при изучении русской военной истории он попытался привлечь сведения о состоянии вооруженных сил соседних стран и народов, находившихся во враждебных отношениях с Московским государством. В отечественной историографии Голицына справедливо упрекали в преувеличении роли заимствований в развитии русского военного искусства, однако, ему удалось дать достаточно полное описание русской армии и многих «замечательнейших» войн и походов, в которых она участвовала.

Слабейшим элементом военной организации Московской Руси Голицын считал сформированное при Иване III дворянское ополчение, действия которого влекли «больше недостатков и невыгод, нежели достоинств и выгод». В качестве главного аргумента отсталости существовавшей в стране в XVI—XVII вв. военно-поместной службы историк использовал опыт развития вооруженных сил европейских государств, где «ленная служба уже оказала полную несостоятельность и была заменена содержанием постоянных войск на жалованье». Временем создания поместного войска автор определил 1500 г., когда была проведена раздача земельных владений в условное держание детям боярским. По мнению Голицына, военные возможности Московского государства ослабляло и «вредное местничество между боярами и воеводами», являвшееся следствием монголо-татарского ига, благодаря которому русское военное дело приобрело «характер более азиатский и, уступая западноевропейскому, находилось, в сравнении с ним, на низкой степени совершенства».

Важнейшей ошибкой Голицына, воспринятой многими русскими историками, было утверждение о существовании в русской поместной коннице подразделений, называвшихся «десятьями», которые включали всех служилых людей, причисленных к городу. «Десятни», по мнению автора, во время похода вливались в состав собравшейся рати и состояли «под начальством дворянина, а иногда и стольника». Следует отметить, что в документах XVI—XVII вв.

упоминание о «десятиях» как боевых частях не встречается. Крупные отряды, высланные против врага и не входившие в состав полевой армии («полков»), именовались «сотнями».

Описывая вооружение русских воинов, имевшиеся у них подвижные укрепления типа «гуляй-города», засечные сооружения Голицын, как правило, точен в деталях. Однако несколько ошибок он допустил. Так, название «затинной пищали», историк производит от слова «затин» – «заряд» (на самом деле – от слова «тын» – «стена»). Более существенной является ошибка автора при определении начала засечного строительства на юге России. Он полагал, что оборонительные сооружения появляются здесь при Иване Калите, который, по словам Голицына, «укрепил засекой границы от Оки до Дона и от Дона до Волги». Более того, именно эту линию автор считал Белгородской чертой, в действительности построенной лишь в 30—50-х гг. XVII в.

Рассмотрев ход русских войн XV—XVII вв., Голицын пытался обосновать ряд тезисов, с которыми историку трудно согласиться. К их числу относится заявление о том, что победа русского оружия в Ведрошской битве «не имела никаких последствий». Вряд ли можно считать безрезультатным разгром лучшей литовской армии и пленение ее командного состава во главе с князем К.И. Острожским. Достаточно полно освещая военную историю Московского государства, описывая крупнейшие сражения XVI—XVII вв. (помимо Ведрошской битвы 1500 г., автор подробно рассказывает о сражениях под Оршей в 1514 г., при Молодях в 1572 г., близ урочища Узруй в 1604 г., под Добрыничами в 1605 г., об осадах Смоленска (1514), Казани (1552), Нарвы (1558), Полоцка (1563), об обороне Пскова и Псково-Печерского монастыря (1581), Троице-Сергиева монастыря (1608—1610) и др.), все же ряд битв того времени Голицыным не указан. К их числу относятся бой с литовцами у деревни Овлялицы на р. Уле, где в январе 1564 г. потерпело поражение войско кн. П.И. Шуйского, многие другие сражения Ливонской войны, Русско-шведской войны 1554—1557 гг., Смутного времени, особенно периода восстания И.И. Болотникова и Лжепетра.

На рубеже XIX—XX вв. фактором, предопределившим дальнейшее развитие русской военной истории, стало появление двух научных школ, представители которых придерживались противоположных взглядов на закономерности развития военного дела и, доказывая свою правоту, развернули ожесточенную полемику между собой. Направление, объединившее последователей Г.А. Леера, получило название академической школы, создателем другого (русской школы) стал Д.Ф. Масловский.

В науке не сложилось единой точки зрения на причины, породившие размежевание российских военных историков на «академистов» и «русское» направление. Попытка объявить последователей Леера реакционерами, сторонниками царизма, а их оппонентов – представителями передовой и демократической военной мысли, была убедительно опровергнута В.О. Дьяковым. Проанализировав концептуальные работы деятелей обеих школ, он показал, что все видные историки последней четверти XIX в. принадлежали к официальному направлению русской военной историографии, считая, сильную монархию лучшей формой правления для развития отечественных вооруженных сил. Не совсем точным является утверждение Л.Г. Бескровного о том, что одно из главных отличий «академистов» от сторонников Масловского кроется в их убеждении о зависимости русского военного искусства от опыта, привнесенного варягами, византийцами, монголами, немцами, французами и др. иноземцами. «Академисты» действительно являлись приверженцами теории «единой столбовой дороги в военном искусстве», но не отвергали своеобразия военной организации России допетровского времени. Об этом свидетельствуют высказывания виднейшего представителя «академической школы» П.О. Бобровского. Он признавал русскую поместную конницу «главным родом национальных войск», подчеркивал, что до конца XVII столетия «в государстве существовали две системы вооруженных сил, *старая* поместная или русская <...> и *новая* – иноземная». Тем не менее возникновение первой исследователь связывал с влиянием «начал византийских и монголо-татарских»,

а второй – с влиянием западноевропейских новаций. С другой стороны, хорошо известно резкое выступление примыкавшего к «русской школе» А.К. Пузыревского, протестовавшего против доводов Н.П. Михневича, первым заговорившего о существовании самостоятельного русского военного искусства. Возражая ему, Пузыревский задает риторический вопрос: неужели «удалось розыскать какие-то особые основы русского военного искусства, чуждые всякому другому, не русскому военному искусству?» Далее он делает вывод о невозможности такого разделения, приводя не совсем удачный пример с математикой, где не существует национального элемента. Ниже Пузыревский говорит о формах проявления военного искусства, которые «могут носить, и в большинстве носят национальный характер». Окончательно запутывает дело воспроизведение им тезиса Михневича о «превосходстве нашего (т. е. русского. – В.В.) военного искусства над европейским в разные эпохи».

Трудности с определением существа расхождений приверженцев вышеназванных школ дали основание Г.П. Мещерякову считать произошедшее разделение искусственным, так как «взгляды Д.Ф. Масловского на задачи, содержание, методы военно-исторической науки принципиально не отличались от взглядов Г.А. Леера». Согласиться с подобным утверждением нельзя. Представители двух соперничающих направлений по-разному определяли роль науки в развитии «практического» военного дела, вели жаркие дискуссии о важности материально-технических средств и духовно-нравственных факторов в деле боевой подготовки военнослужащих. В поисках аргументов, подтверждающих собственную правоту, «академисты» и сторонники «русской школы» обращались к событиям военной истории. Анализ их концептуальных высказываний, доводов и используемых примеров позволяет утверждать, что главным пунктом расхождений стал вопрос о возможности создания универсальной военной науки, способной «подвести частные явления под общие законы». Убеденными сторонниками необходимости теоретического обоснования всех аспектов военного дела являлись Г.А. Леер и его последователи. В своих построениях они использовали материалы, полученные в ходе изучения войн и военных конфликтов прошлых веков, но лишь для подтверждения достаточно умозрительных гипотез. Военной истории Леер отводил роль лаборатории военной науки, разработав критико-исторический метод исследования, ставивший цель научного поиска в зависимости от необходимости теоретического определения основных закономерностей военного искусства. Один из его учеников П.А. Гейсман полагал, что «вечные и неизменные принципы» организации вооруженных сил и ведения военных действий «были прежде, суть теперь и будут представлять и впредь нечто иное, как руководящие основания в деле решения вопросов, подлежащих военному искусству, как практическому делу» («Гейсман П.А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. Ч. 1. СПб., 1893. С. 1). Далее он писал, что изучение теории и практики вооруженной борьбы должно идти параллельно с исследованием истории развития народов и обществ, в противном случае «неполнота изучения и освещения будет иметь следствием узость взглядов и односторонность или недостаточную многосторонность заключительных выводов». Однако если исходный материал не укладывался в разработанные «академистами» схемы, Гейсман легко отказывался от его использования в своих работах. Так, из второго издания «Краткого курса военного искусства» он исключил все примеры, касающиеся российской истории, объяснив это следующим образом: «Сопоставление генералов русских с западноевропейскими, войн России с войнами других государств и т. п. совершенно бесполезно. На этом пути невозможно добиться сколько-нибудь удовлетворительных результатов, сколько-нибудь определенных выводов». С утверждением Гейсмана не согласился еще один представитель «академической школы» П.О. Бобровский, постоянно обращавшийся к изучению организации вооруженных сил в Московском государстве XVI и особенно XVII вв. Столь пристальный интерес к эпохе, предшествующей коренной перестройке русской армии, начатой Петром I, объяснялся стремлением опровергнуть существующее в науке утверждение о том, что военно-правовые установления первого российского императора имели исклю-

чительно иноземный характер, так как он заимствовал лишь то, что могло прижиться в России. В наиболее полном виде взгляды Бобровского представлены в работе «Переход России к регулярной армии», где изложение конкретного материала предваряет весьма характерное заявление автора: «Сопоставляя события отечественной истории с соответствующими явлениями на Западе в переходную эпоху военного искусства, нельзя не заметить неизбежности у нас перелома в устройстве и содержании войск за многие десятки лет до начала великой северной войны». Значительную часть процитированной работы «Переход России к регулярной армии» (СПб., 1885) Бобровский посвятил изучению состава, комплектования, вооружения и обучения армии Московского государства. В отличие от предшественников им были использованы не только нарративные источники, но и официальные документы, опубликованные в многотомных сборниках «Собрание государственных грамот и договоров», «Акты археографической экспедиции», а также «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» Онисима Михайлова и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Однако содержащуюся в источниках информацию Бобровский использовал весьма односторонне, привлекая только факты, свидетельствовавшие о неудовлетворительном состоянии вооруженных сил России в допетровское время.

Основной причиной слабости московской армии он считал иррегулярный ее характер. «Боярский сын, стрелец, пушкарь, – писал Бобровский, – в одно и то же время был и воином и гражданином. По окончании войны помещик – сын боярский, дворянин, складывал свое оружие и обращался в сельского хозяина или чиновника; стрелец или городской казак принимался за прибыльный для него промысел, или отправлялся торговать за прилавок». Временной являлась и служба «войск позднейшей формации» – полков солдатского, рейтарского и драгунского строя, появившихся в России в XVII в. Несмотря на вооружение военнослужащих этих частей иноземным оружием и обучение их строевым приемам, они, по мнению Бобровского, «не выделялись из остальной массы народонаселения», так как после окончания похода распускались по домам, «в мирной обстановке не отличаясь от поселян и посадских, занимались хозяйством, промыслами, чем могли». Вследствие такой организации службы, они «военного дела не знали». Категоричность формулировок Бобровского приводит к серьезным ошибкам. Нельзя согласиться с заявлением автора о том, что «почти все начальники и офицеры разных родов войск, не исключая и иноземцев, обращались в помещиков». Как правило, поместный оклад получали «немцы», принявшие православие, так как правительство запрещало иноверцам приобретать земли, населенные православными людьми. В архивных документах постоянно упоминаются «поместные» и «кормовые» иноземцы «разных чинов».

П.О. Бобровский обратил внимание на значение службы тяглых людей, в случае большой военной опасности привлекавшихся на помощь дворянскому ополчению, однако сделанный историком вывод грешит прямолинейностью. Он полагал, что «города обороняли служилыми «посадками» (?) или черными людьми, засечные линии – подымными» людьми. В действительности, в случае вражеского нападения в отражении его принимало участие все население близлежащего к атакованному рубежу или городу уезда. Посошные и даточные люди участвовали в военных действиях, включаясь в состав походных ратей.

Представители «русской школы» не разделяли убеждения «академистов» в возможности создания универсальной, единой для всех времен и обществ военной науки, стараясь доказать, что моральное состояние войск, боевой опыт и традиции более важны для военной практики, чем техническое изменение средств вооруженной борьбы. Первостепенную роль в понимании ценности «духовного элемента» сыграли занятия русской историей, показавшие значительные различия в организации вооруженных сил стран Запада и Московского государства. Основоположником нового направления стал профессор Николаевской академии Генерального штаба Д.Ф. Масловский, автор первого академического курса истории русского военного искусства («Записки по истории военного искусства в России». Вып. 1—2. СПб., 1891—1894). Повто-

рив ставшее к тому времени аксиомой утверждение о том, что «Петр Великий резко видоизменил направление военного искусства в России», историк поставил перед собой цель «обратить более серьезное внимание на значение допетровского времени, выяснить коренные особенности русского военного искусства этого периода, историческую подготовку к реформам». Он полагал необходимым выяснить «национальные особенности ведения войны и боя», ибо только так можно было установить степень «участия народа в деле самозащиты и тем облегчить разумное пользование средствами земли, искони готовой отдать все нужное своей национальной армии». Отличительную черту организации вооруженных сил Московского государства Масловский видел в основополагающем принципе устройства русских войск в виде поместной системы, которая, по мнению автора, имела глубокие и прочные корни в русской истории, окончательно сформировавшись к середине XVI в. К поместным войскам Масловский относил дворянскую конницу, городских казаков, стрельцов, людей «пушкарского чина» и подразделения иноземного строя. При этом он исходил из ложной посылки получения всеми служилыми людьми поместных участков, которые являлись основным видом вознаграждения, в дополнение к которому стрельцы и казаки получали денежное жалованье. Хлебной казной, по мнению историка, жаловались лишь московские стрельцы. Это утверждение Масловского, воспринятое его последователями, в корне ошибочно. Действительно, в составе стрелецких и казацких гарнизонов находилось известное число воинов, несших службу «с земли», но еще больше стрельцов и казаков «служили с денежного и хлебного жалованья». Так, по «Росписи» Стрелецкого приказа 1631 г. земельными участками были «устроены» служилые люди «по прибору» в 27 южных городах. В 33 городах стрельцы несли службу только «с денежного и хлебного жалованья, еще в 8 городах (по преимуществу в южных и юго-западных уездах) часть гарнизона обеспечивалась земельным, другая – денежным и хлебным жалованьем. Стрельцы, находившиеся в Москве, Пскове, Ярославле, Костроме, Великом Новгороде, Вязьме, Переяславле-Рязанском земельных дач не получали. Как видно из сохранившейся «Росписи», говорить о стрельцах и городских казаках как о «поместном войске» не приходится, да и хлебное жалованье получали не только московские, но и городские стрельцы и казаки, но в значительно меньших размерах по сравнению с воинами столичного гарнизона.

Масловскому удалось дать достаточно полный и точный обзор организации станичной и сторожевой службы на южных, западных и северо-западных границах, где в середине XVII в. были размещены поселенные драгунские полки. Разбирая характер службы войск, привлекаемых к обороне рубежей, историк высказал спорное с нашей точки зрения мнение о том, что находившиеся в некоторых южных крепостях «конные стрельцы были те же пешие, но посаженные при надобности на лошадей». Единственным исключением являлись астраханские конные стрельцы, да и то только потому, что в Астрахани не было городских казаков. Утверждение Масловского нельзя признать корректным. Действительно, городских казаков в Астрахани не было, однако их с успехом заменяли служилые татары. Так, по архивным документам в 1629 г. в городе было помимо 92 детей боярских, 1 тысячи конных и 2 тысяч пеших стрельцов и 50 пушкарей, 900 едисанских татар и 2 тысячи ногайцев. Кроме Москвы и Астрахани конные стрельцы входили в гарнизоны Оскола, Епифани, Терков, Казани, Черного Яра, Царицына, Самары, Уфы и Саратова. Считать их, следуя Масловскому, ездящей пехотой нет оснований.

Части, составленные из иноземцев, Масловский также причислял к поместным войскам, отмечая, что «в Московском государстве иноземцами не только не чуждались, но, напротив, охотно пользовались их услугами для удовлетворения практическим нуждам страны, прежде всего потребностям военного дела». Уже в первых годах XVI в. в Москве находилось не менее 1500 иностранцев, преимущественно артиллеристов и техников, объединенных в отдельный «полк». Многократно умножилось число чужеземных военных специалистов в XVII в., когда в России появились части, обученные и вооруженные по европейским образцам. Масловский правильно подчеркнул, что, несмотря на исключительное положение, занятое иностранцами в

полках «нового строя», большинство рядовых в них составляли русские солдаты и драгуны, набранные из беспоместных детей боярских и «охочих людей». Тем самым он первым из русских военных историков опроверг устоявшееся ранее убеждение, что «царь Михаил Феодорович, видя ненадежность [московского] войска, в трудной борьбе с Польшею, неоднократно набирал в Швеции, Англии и Голландии целые пехотные полки, и усиливал ими свое войско». Масловский отметил, что новые полки формировались в России, а в 5 первых полках, общей численностью 9500 человек, несли службу 6500 русских солдат, рейтар и драгун. Правильно определив место иностранных специалистов в вооруженных силах Московского государства, исследователь продолжал упорно доказывать поместный характер полков «нового строя» на том основании, что их командный состав получал за службу поместья и вотчины. Сейчас уже доказано – значительная часть офицеров не версталась поместными окладами, получая большое денежное жалованье, первоначально значительно превосходившее содержание командного состава стрельцов, городских казаков и сотенных голов дворянского ополчения.

В общую поместную систему, по мнению исследователя, не вписывались лишь воины, рекрутируемые на службу из числа тяглого населения. Масловский объединил их в разряд, названный «пешие и конные *даточные*», что для XVII в. следует признать соответствующим истинному положению дел. Историк в самых общих чертах коснулся вопроса их комплектования, предположив, что из них составлялись крупные воинские соединения. По его утверждению, «эти войска формировались из обязанных крестьян, взятых от помещиков, обществ и учреждений, которые не пользовались никакими льготами поместных войск». Он отметил генетическую связь даточных людей с древнерусскими «воями» – земской армией, «формировавшейся рядом с княжеским дружинами лишь в некоторых только случаях, но стоявшей совершенно особняком от первых и тоже не пользовавшихся никаким вознаграждением, служившим только для защиты своей земли». В то же время автор крайне негативно оценил боевые возможности и вооружение военных слуг, «выходивших в поле с дворянами». Вопреки свидетельству Григория Котошихина, Масловский полагает, что они не участвовали в основных боевых операциях, неся «отдельную службу: по сопровождению обоза, по фуражировкам и т. п. второстепенным действиям», а также по уходу за конским составом». Между тем, Котошихин различал боевых холопов и «кошевых людей», находившихся при обозах и лошадях, отметив, что в боях военных слуг от дворян «не отлучают и [они] бывают с ними вместе под одним знаменем». Архивные документы подтверждают правоту Котошихина. Десятни и разборные книги упоминают отдельно кошевых людей, сопровождавших служилых людей «в кошу, на возу» и отдельно боевых холопов, выступающих в поход на конях с саблями, саадаками и огнестрельным оружием. Наконец, следует привести самый убедительный с нашей точки зрения аргумент: сами власти при мобилизации дворян на службу различало боевых холопов и кошевых людей, что несомненно было связано с их предназначением. Говоря о вооружении дворянских людей, Масловский писал о его «ничтожности». По его мнению, военные слуги имели лишь сабли, луки, «а иногда и просто рогатины». Это утверждение не соответствует действительности. Боевые холопы часто были вооружены лучше дворян, в том числе и огнестрельным оружием. Впрочем, это обстоятельство выяснилось позже, после разбора десятен.

Не вызывает возражений проделанный Масловским анализ организации сторожевых застав и «поддержек», выставляемых по рубежу из южных так называемых «украинных» городов. Ценным является наблюдение, что отряды эти всегда были «с огненным боем». Рассматривая изменения, произошедшие в системе охраны порубежья в XVII в., исследователь отметил, что с 1640-х гг. правительство стремилось «заселить границу целыми войсковыми частями служилого населения», подтверждая такой вывод бесспорным примером учреждения поселенных драгун в Комарицкой и Олонецкой волостях. Не потерял своего значения сделанный им детальный разбор ряда неизвестных операций, в том числе действий русских войск под Смоленском в 1614 г. и при отражении крымского набега 1623 г.

Ученики и последователи Масловского развивали и дополняли его теории, касающиеся военной истории Московского государства допетровского времени. Исключением является один из наиболее ярких представителей «русской школы» А.К. Пузыревский, разделявший взгляды Масловского на теорию и практику военного дела, но не признававший большого самостоятельного значения национальных форм отечественного военного искусства и отказавшийся от их изучения. Он полагал, что внимание историков должно быть сконцентрировано на постижении народа и государства, являвшегося «наиболее полным выразителем военного искусства данной эпохи». Это обстоятельство позволило Л.Г. Бескровному утверждать, что исследователь «занимал промежуточное положение между «русской» и «академической» школами». Более осторожный В.О. Дьяков писал о «колебаниях» Пузыревского в 80-х гг. XIX в., но признавал его истинным представителем «русской школы», утверждая, что свои «колебания» историк полностью изжил. Утверждение Дьякова не точно, столь же критично по отношению к национальному элементу в военной истории Пузыревский высказывался на рубеже XIX и XX вв. в рецензии на книгу Н.П. Михневича «Основы русского военного искусства» (ж-л «Разведчик», 1898. № 426. С. 1087—1088)

Другие последователи Масловского были настроены более позитивно в отношении отечественных «форм военного искусства». Важный шаг в разработке проблемы перехода русской армии на европейскую систему чинов был сделан А.З. Мышлаевским, известным публикатором документов, посвященных истории русской армии начала XVIII в. В работе «Офицерский вопрос в XVII в» (СПб., 1899) исследователь пришел к очень важному выводу, что до появления в России иноязычных обозначений служебных разрядов командного состава в нашей стране «за исключением звания воеводы, которое являлось общим термином, а потому приравнивалось и к административным должностям, все прочие звания были исключительно строевыми, <...> каждому званию соответствовала вполне определенная строевая обязанность, вытекавшая из сущности организации войск». Он полагал, что «старорусская система офицерских должностей представляет весьма поучительный образчик умеренного, строго соображенного с действительными потребностями [благодаря чему удалось избежать], нагромождения в войсках начальственного элемента».

Появление в Московском государстве воинских частей, обученных и вооруженных на европейский манер, вынудило правительство ввести чины полковника, подполковника, майора, капитана (ротмистра), поручика, прапорщика. Затронув тему чинопроизводства, Мышлаевский установил, что, если первоначально право производить в любые офицерские чины по своему усмотрению имели старшие начальники из иноземцев, то в середине XVII в. их возможности ограничились – даже «генералиссимус» Шарль Эргард в 1656 г. мог самостоятельно производить офицеров в чины не выше майора.

Автор допустил ряд небольших неточностей, несколько снижающих значение его труда. Так, высказав предположение, что Приказ сбора ратных людей являлся «или прототипом или составной частью Иноземного приказа», созданного в 1628 г., Мышлаевский описывает деятельность Приказа сбора ратных людей как самостоятельного учреждения в 1639 г. В действительности Иноземский приказ известен с 1624 г., предшественником его был Панский приказ.

Младшими представителями «русской школы» были А.К. Байов и А.Г. Елчанинов. Первый в своих работах попытался дать общую картину развития русского военного искусства с древнейших времен, определить его закономерности, показать наиболее характерные черты в разные исторические эпохи. Военная история Московской Руси была прослежена в 1-м выпуске «Курса истории русского военного искусства», озаглавленном «От начала Руси до Петра Великого». Выполняя пожелание Конференции Николаевской академии Генерального штаба, рекомендовавшей описать состояние военного дела в России в XVII в., для формирования у слушателей академии сознательного отношения к реформам Петра Великого, Байов расширил хронологические рамки «Курса», пояснив, что «военное дело, каким оно было в

XVII столетии, в значительной своей части сложилось еще в XVI столетии, а основы получило даже гораздо ранее; с другой стороны несомненно, что обзор состояния нашего военного искусства, с первых же дней существования Руси, для нас, русских, должно представлять собой значительный интерес, сообщая этим сведениям полноту, систематичность и цельность, тем более, что и в самой седой нашей старине есть немало поучительного даже и для настоящего времени».

Баиов считал, что основы военной организации Московского государства были заложены при Иване III, который действовал вполне осознанно, стремясь иметь не только «сильную и многочисленную армию, но и армию, однообразную по составу, вполне национальную, проникнутую высоким чувством патриотизма, основанного на сознании принадлежности к великой нации, составляющей единое могущественное государство, на любви к этому государству, на преданности своим государям и приверженности своей религии». Такая армия необходима была Ивану III для включения всей Русской земли в состав его «вотчины» и получения выхода к морю, «из которого был бы свободный выход». Реализация этих замыслов привела к возникновению вековой борьбы Руси и Польши.

Автор полагал, что в XVI в. в Московском государстве была создана стройная и сложная система поместного обеспечения воинской службы, при которой служилые люди «по отчеству» делились на два разряда: «к первому принадлежали высшие чины, владевшие поместьями близ Москвы, а также выборные из других городов. Этот разряд составлял Московский двор. Второй разряд состоял из низших чинов, владевшие поместьями вдали от Москвы, преимущественно там, где служили, и называвшиеся городовыми или уездными дворянами и детьми боярскими». Знакомство с документами показывает, что историк упростил ситуацию. Все уездные корпорации дворян и детей боярских делились на три разряда: «выборных», «дворовых» и «городовых» детей боярских, различавшихся по характеру службы и ее обеспечению. Как и Д.Ф. Масловский, Баиов причислял к поместным войскам стрельцов, поместных и городских казаков, людей «пушкарского чина» (пушкарей, затинщиков, воротников, казенных плотников и кузнецов); выделяя последних в «отдельный цех».

Разбирая условия службы дворян и детей боярских, исследователь полагал, что все они делились на 3 статьи, однако в источниках встречаются случаи верстания служилых людей на большее и меньшее число статей.

Условия верстания и службы воинов дворянского поместного ополчения Баиовым были тщательно исследованы особенно тщательно. Проанализировав их, историк пришел к обоснованному выводу, что получаемые служилыми людьми поместные и денежные оклады «не всегда соответствовали действительным дачам и были связаны с характером и ходом самой службы». В более привилегированном положении находились «люди высших чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые». Только они получали назначенные денежные оклады «сполна и ежегодно», а городские дети боярские получали жалованье «один раз в три, четыре, а то и пять лет». Служилым людям, занимавшим приносившие доход должности, а также освобожденным от воинской службы, деньги не выплачивались или выплачивались «с убавкой».

Внимание Баиова привлекли условия верстания «нови́ков». Исследователь показал, что оно производилось двумя способами: «в отвод» и «в припуск». Первый из способов осуществлялся в отношении старших сыновей, зачислявшихся в уездную корпорацию при служившем отце. Таких «нови́ков» наделяли особыми поместьями из резервного земельного фонда. Младший сын, начинавший служить позже братьев, заменял постаревшего отца и «припускался» в его поместье, а после смерти родителя наследовал отцовскую поместную «дачу». Заключение исследователя нуждается в небольшом уточнении. Как правило, вступающий в службу «нови́к» получал в поместье не все владение отца, а лишь его часть. Так, в 1638 г. по челобитной бежиц-

кого помещика Ф.А. Бешенцова, из-за ран уволенного со службы, его шестнадцатилетний сын Иван получил в оклад только 350 четвертей земли из 500 бывших у отца.

Необходимость иметь в составе вооруженных сил постоянные части повлекла за собой создание «поместного» стрелецкого войска, несшего, по мнению Баиова, службу в основном в пешем строю и «только лучшие из них составляли особый конный отряд и назывались стрелянными». В этом случае историк заблуждался. В некоторых южных городах, как показывают сохранившиеся «рописи» и «сметы» русского войска второй трети XVII в., наряду с пешими находились и конные стрельцы.

В состав поместного войска не входили крестьянские ополчения, выставлявшиеся населением «с известного числа дворов» во время больших войн. Используя терминологию XVII в., Баиов именует их «даточными людьми». Непонятной остается причина, по которой историк включил в этот разряд русского войска лишь крестьян. Данные, относящиеся даже к первой половине XVI в. свидетельствуют, что посошные и подворные мобилизации касались всего тяглого населения Московского государства, включая владельческих и черносошных крестьян, посадских людей. В XVII в. на службу привлекались по особой разверстке представители ряда народов Поволжья («ясашных» казанских татар, чувашей и марийцев). Высоко оценивая значение русской артиллерии, исследователь отметил поразивший его факт отсутствия цеховой замкнутости в среде русских пушкарей, отнеся процесс разрушения корпоративного единства артиллерийских мастеров ко времени правления Василия III, когда для обслуживания пушек и пищалей «уже не хватало цеховых пушкарей и их приходилось пополнять даточными людьми». Несмотря на гипотетичность этого предположения, не подтвержденного никакими доказательствами, предпринятая Баиовым попытка объяснить несоответствие европейской и русской организации артиллерийской службы заслуживает внимания. Автор первым обратил внимание на то, что в случае необходимости из «тюфяков» (дробовых артиллерийских орудий) могли стрелять и ядрами. Позднее его предположение было подтверждено А.Н. Кирпичниковым и И.Н. Хлоповым.

Касаясь вопроса организации русского войска, Баиов, несмотря на убедительные возражения А.З. Мышлаевского, вслед за Д.Ф. Масловским продолжал утверждать, что основным подразделением поместной армии являлась «десятьня», состоявшая из служилых людей, «приписанных к какому-либо одному городу». Развивая идеи своего учителя, исследователь бездоказательно писал о том, что «десятьни по несколько сводились в полки, которых в армии, изготовившейся к походу, было семь». В свою очередь, каждая «десятьня», по мнению Баиова, делилась на сотни, а последние – на десятки. Как отмечалось выше, предложенная Масловским и схема организации поместных войска XVI—XVII вв. является искусственной и искажает общую картину устройства московской армии.

Говоря о снабжении вооруженных сил в военное время, автор отмечал, что в «неприятельских землях войска свои запасы пополняли путем фуражировок в попутных селениях и городах. В этих случаях для сбора необходимых запасов высылались особые отряды, называвшиеся кормовщиками». Такой способ обеспечения армии, по мнению Баиова, способствовал «развитию мародерства, борьба с которым была очень затруднительна».

Требуется уточнения высказывание исследователя о военной подготовке стрельцов, которые, «если и занимались обучением, то главным образом в несении караулов и конвойной службы, вряд ли это обучение давало им много в деле боевой подготовки». Между тем, дошедшие до нас документы неопровержимо свидетельствуют об умении стрельцов вести залповый огонь, действенность которого они демонстрировали на царских смотрах в середине XVI в., что вряд ли было возможно без предварительного обучения. Начиная со второй трети XVII в. часть стрелецких приказов, прежде всего из состава московского гарнизона, учились азам солдатского строя под наблюдением иностранных инструкторов.

Считая военную подготовку русской армии явно недостаточной, Баиов делал исключение для городских войск, которые, по его мнению, были более боеспособными, так как несли «постоянную службу на границах», где они были обязаны «непрерывно охранять и разведывать» в условиях частых неприятельских нападений. Такие части «если и были лишены обучения, то, во всяком случае, благодаря особенностям их службы» были более боеспособными.

Отдельный раздел работы Баиова посвящен изучению качественных изменений, произошедших в вооруженных силах Московского государства во второй трети XVII в. Отметив принципиальное решение правительства о восстановлении старой, поместной системы организации армии, сильно пострадавшей в годы Смутного времени, автор затронул вопрос формирования в начале 1630-х гг. первых солдатских и рейтарского полков. Большого значения этому опыту использования обученных и вооруженных по европейскому образцу воинских частей историк не придавал, подчеркнув, что «по окончании смоленских походов дальнейшие формирования полков [иноземного строя] были прекращены, наличные – распущены, а оставшиеся в России иноземцы поверстаны поместными окладами».

Восстановить упраздненные полки «нового строя» правительство решилось после захвата донскими казаками в 1637 г. турецкой крепости Азов. Обстановка на южных границах страны обострилась, и московские власти «воспользовались драгунами и солдатами, а также офицерами-иноземцами, которые остались в России после роспуска первых солдатских полков». Службу они несли на тех же основаниях, как и поместная конница, на границу солдат и офицеров новых полков собирали лишь в самое опасное летнее время. Лишь в 1642 г. характер их службы изменился – решая вопрос о войне с Турцией из-за Азова, правительство сформировало два солдатских полка постоянного состава.

Говоря об организации вооруженных сил и управления ими в XVII в., Баиов сделал странное замечание о Разрядном приказе, отметив, что в круг его обязанностей не входил учет поместных войск. Зная, что к поместным войскам историк относил почти всю московскую армию за исключением ополчений даточных людей, следует признать Разряд не ведущим военным ведомством Московского государства, а второстепенным учреждением. Сохранившиеся документы опровергают мнение Баиова. Разрядный приказ осуществлял общее руководство вооруженными силами, начальники его держали в руках все нити военного управления. Последнее подтверждается свидетельством Котошихина, писавшего: «А ведомы в том приказе всякие воинские дела и города строение и крепостями и ружьем и служивыми людьми; так же *ведомы бояре, околичие и думные и ближние люди, и дьяки и жилицы, и дворяне городовые, и дети боярские* (выделено нами. – В.В.), и казаки, и солдаты всякою службою».

Пристальное внимание исследователь уделил появившимся в России в XVII в. первым переводным пособиям по боевой подготовке войск, в том числе «Учению и хитрости ратного строения пехотных людей» датчанина Вильгаузена. В отличие от других историков Баиов не придавал этой книге особого значения, отмечая, что упомянутый «Устав» не получил в России большого распространения: «напечатанный по указу царя Алексея Михайловича в Москве, в Синодальной типографии, в количестве 1200 экземпляров и продаваемый по 1 рублю, он в первые 4 года разошелся в количестве 95 экземпляров, а в последующие 6 лет – еще в количестве 39 экземпляров, то есть за 10 лет было куплено всего 134 экземпляра». Обнаруженные исследователем сведения вынудили его сделать вывод о том, что «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» не было разослано в войска и не стало обязательным руководством по боевой подготовке. Вследствие этого Баиов не считает «Учение и хитрость» уставом, полагая, что современники видели в нем лишь учебное пособие и курс тактики.

Не ограничиваясь рассмотрением вопросов организации и вооружения московской армии, Баиов попытался рассмотреть «образ действий войск». Однако формы проявления русского воинского искусства он рассматривает фрагментарно. Наиболее полно им разобрана

только «Казанская операция» 1552 г. (термин автора), многие другие действия остались за рамками исследования, существенно снижая ценность труда.

Большинство положений Баиова оказались повторенными А.Г. Елчаниновым. Он также отнес городских казаков и стрельцов к категории постоянных поместных войск, считая, что стрельцы несли исключительно пешую службу и только лучшие из них «были конными, называясь стремянными».

Подобно Масловскому и Баиову, историк утверждал, что «основным подразделение войск являлась десятня, которая состояла из людей, приписанных к какому-либо одному городу». В отличие от своих предшественников, Елчанинов не относил к поместным формированиям иноземцев, выделяя скомплектованные из них части в особый разряд.

Отличительной чертой русского военного искусства исследователь считал раннее появление «засады» (в его понимании – резерва), в использовании которой он видел «драгоценнейшую черту», проявившуюся «с самых первых дней нашей сознательной военной жизни». Действия русской артиллерии историк оценивал чрезвычайно критически, полагая, что военачальники пользовались этим средством борьбы неискусно. Опыт использования русского «наряда» во многих походах и осадах того времени, в боях с применением вооруженного малокалиберной артиллерией «гуляй-городов» не позволяет согласиться с мнением Елчанинова. Полностью опровергает его отзыв шведского капитана Пальмквиста, в середине XVII в. высоко оценившего состояние русской артиллерии и выучку пушкарей.

Пристальное внимание автор уделит борьбе Московского государства с Казанским ханством. Однако следует указать на неверную оценку одного из самых важных этапов в отношении Руси с поволжской Татарией. Говоря о времени правления Василия III, Елчанинов пишет, что великий князь «после ряда измен казанцев водворил в Казани своего «подручника» и построил первую промежуточную опору на путях к ней – Васильсурск». По его мнению, лишь в начале царствования Ивана IV «труды предшественников были потеряны», и Москве пришлось приступить к прямому завоеванию Среднего и Нижнего Поволжья. Елчанинов умалчивает о том, что отношения между Казанью и Московским государством окончательно испортились именно при Василии III, а ухудшение русско-казанских отношений спровоцировало в 1521 г. окончательный разрыв русско-крымского союза и последующее вторжение неприятельских войск в московские пределы. Описание войн с Казанью завершается рассказом о походе 1552 г., успех которого Елчанинов видит в том, что он был «быстр, искусен, смел». Историк отмечает разнообразие приемов осадной борьбы под Казанью, упоминает о подведенных под стены города минных галереях, умалчивая о ведавшем подкопным делом немецком мастере «розмысле», отмечая, что осада велась «под руководством русского самородного «розмысла» Выродкова», в действительности возглавлявшем постройку подвижной батареей башни.

О событиях Ливонской войны Елчанинов упоминает вскользь, определяя начало этого вооруженного конфликта 1554 г. С такой датировкой согласиться нельзя. В 1554 г. началась очередная русско-шведская война, закончившаяся в 1557 г. Ливонский орден в ней не участвовал, хотя, по сообщению Б. Рюссова, конфликт в немалой степени был спровоцирован ливонскими властями, подтолкнувшими шведского короля Густава к войне, но не поддержавшими его. Грубые ошибки Елчанинов допускает и далее. Так, он пишет, что «после неудачной осады Ивангорода, пушкари наши, не желая сдаться или увидеть позор плена своих орудий, повесились на них». Указанный случай произошел не под Ивангородом, а во время сражения под Венденом 21 октября 1578 г. Сомнительным представляется утверждение исследователя о том, что в начале Смутного времени «бояре <...>, видя в самозванце средство избавиться от Бориса [Годунова], с войсками передавались на сторону Лжедмитрия или умышленно несли поражение». Как известно, часть московских воевод, возглавляемых В.В. Голицыным и П.Ф. Басмановым, 7 мая 1605 г. перешла под Кромами на сторону Лжедмитрия I, но уже после смерти Бориса Годунова. До этого военные действия шли с переменным успехом. Русские войска потерпели

несколько поражений, но одержали победы в боях за Новгород-Северский и в сражении под Добрыничами 21 января 1605 г.

Перечисляя важнейшие русские сражения и битвы, Елчанинов пропускает некоторые из них, в том числе и Клушинское сражение 24 июня 1610 г., завершившееся разгромом русско-шведской армии поляками, что в итоге предопределило судьбу правительства царя Василия Шуйского.

Не может быть принят тезис автора, о том, что, благодаря построенным при Борисе Годунове новым крепостям на южной «украине», гарнизоны их успешно отбивались от самозванцев. Население находившихся в этой части государства городов в гражданской войне XVII в. неизменно поддерживало врагов центральной власти, и правительственным войскам приходилось вести упорную борьбу за эти крепости. Отметив произошедшее в годы Смутного времени разрушение традиционной организации вооруженных сил, исследователь писал, что тогда «не могло действовать даже прочно установившееся было поместное право». Воеводам, начавшим борьбу с интервентами, поневоле «пришлось обращаться к наскоро собранным ополчениям самого смешанного состава без всякой подготовки и опыта».

Новая страница в истории русской армии начинается с появлением в России полков «нового строя». Первые из них формируются в правление Михаила Федоровича, но это были лишь «слабые приступы к преобразованиям», которым мешали частые войны, в особенности русско-польская война 1632—1634 гг. По мнению Елчанинова, под Смоленском солдатские полки «ничего из себя не дали» и были распущены. Все же участие их в военных действиях имело несколько важных следствий, привело к появлению в армии полков, разделенных на роты, новых чинов и т. п. В то время, по предположению Елчанинова, велась подготовка к созданию регулярных частей из русских людей. Поэтому в каждом солдатском полку существовал второй состав офицеров, составленный из московских служилых людей. Последнее сообщениями источников не подтверждается.

Новая структура вооруженных сил окончательно сложилась только при царе Алексее Михайловиче, но, «появление войск иноземного строя <...> оказало весьма мало влияние, распространение же огнестрельного оружия привело даже к большему предпочтению обороны». Этот вывод не соответствует реальному положению дел. В годы Смоленской войны 1632—1634 гг. только на участке фронта под Великими Луками русские войска совершили 6 нападений на Усвят и 34 рейда на полоцкие, велижские и сурожские места. Укрепившиеся в захваченном Невеле отряды воеводы Никифора Плещеева атаковали противника 23 раза. Активно действовали русские рати на путивльском направлении, где отряды служилых людей овладели городом Борзна, сожгли остроги у городов Ромны и Миргород, разорили многие пограничные селения.

Сурово критикуя организацию и выучку войск, существовавшую в Московском государстве сторожевую службу, Елчанинов не мог скрыть удивления тем, что при этом русская армия достаточно успешно вела войны с Польшей и Швецией, оберегала Россию от нападений татар и казаков и, несмотря на сложность внутривластной обстановки, поддерживала порядок в стране.

Ряд российских историков XIX – начала XX вв. при изучении военной истории Московской Руси обратились к разработке проблем развития отдельных родов войск, их вооружения и технического оснащения. Наиболее значимыми стали труды М.И. Маркова, Н.Е. Бранденбурга, А.И. Савельева, Ф.Ф. Ласковского, А.И. Яковлева.

В работе «История конницы» (Ч. 1—3. Тверь, 1887), М.И. Марков проследил прошлое российской кавалерии, в том числе в интересующий нас период. Подобно другим отечественным историкам он считал, что «при московских царях» поместная конница являлась «главным, многочисленнейшим и лучшим родом войск». Русские конные полки комплектовались из дворян, детей боярских и их боевых холопов. Говоря об обязательном характере службы ратников

поместных ополчений, автор подчеркивает, что в случае невозможности личного участия в походе служилые люди выставляли в полки даточных людей, подобно монастырским властям, посадским и уездным людям.

Стремясь отметить исключительную роль конницы, Марков дал критический отзыв о русской пехоте того времени, которую по его мнению, «составляла плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу в городах». Факты опровергают подобные утверждения. Задолго до появления в Московском государстве стрелецкой пехоты в состав русской армии входили подразделения вооруженных огнестрельным оружием пищальников. Они формировались по определенной разрядке из мобилизованных на войну посадских и уездных людей. Пищальники участвовали в смоленских походах Василия III, в обороне южных границ, в действиях против казанских татар в первые годы правления Ивана IV.

Вооружение конницы Марков оценивал невысоко, полагая, что дворяне и дети боярские в основном сражались холодным оружием. В действительности, с конца XVI в. документы отмечают наличие в русской армии конных дворянских сотен, вооруженных пищальями.

Отметив факт существования в составе русской конницы казачьих частей, Марков попытался проследить историю русского казачества. Внимание исследователя привлекло первое упоминание в летописи рязанских казаков, участвовавших в борьбе с татарами в 1444 г. Донское казачество, по мнению автора, сформировалось значительно позже, так как донцы впервые упоминаются в 1549 г. в жалобе ногайского мурзы Юсуфа Ивану IV. В действительности, к этому времени русское казачество уже прочно владело Доном, совершая набеги на азовские и перекопские места. Тогда же произошел первый «прибор» донцов на московскую службу.

Внимание Маркова привлекли некоторые походы казаков. В частности, он упоминает разорение ими Сарайчика, появление первых казачьих поселений на Яике и Тереке, Сибирскую эпопею Ермака и т. п. Историк пытался вскрыть особенности действий казачьего войска в бою, характерные черты его устройства и внутренней организации. Успешные действия казаков он связывал с атакой лавами, охватывающими фланги неприятельской конницы.

Значительную часть работы Маркова составило описание сражений, в которых участвовала русская армия. Наиболее подробно он рассказал о Клушинской битве 1610 г. Историк не удалось правильно определить место расположения русских войск, но он точно указал фатальную ошибку Д.И. Шуйского, перед боем расположившего пехоту позади конных полков.

Н.Е. Бранденбургу заслуженную известность принесли работы по истории русской артиллерии «500-летие русской артиллерии (СПб., 1889)» и «Исторический каталог Петербургского артиллерийского музея». (СПб., 1877). Исследователь осветил организацию службы «людей пушкарского чина», состав и численность этого разряда русского войска, размеры получаемого жалованья, деятельность Пушкарского приказа. По мнению автора, пушкари, затинщики и служившие при «наряде» технические специалисты» в годы правления Ивана Грозного составили отдельное сословие «с своими известными правами»; ведал ими особый приказ. Отныне «новые члены пушкарского сословия вступали в последнее лишь за ручательством пушкарей уже служивших». Автор обнаружил и воспроизвел в своей работе сведения о проводившихся в Московском государстве артиллерийских и стрелковых смотрах, однако допущенные им неточности при переводе сообщения Э. Дженкинсона существенно снижают их ценность. Пристальное внимание он уделил развитию материальной базы русской артиллерии. Бранденбург полагал, что «первые образцы огнестрельных орудий в России были ввезены с Запада», отмечал посредническую роль Новгорода, торговавшего с ганзейскими городами. Вскоре было налажено производство отечественных артиллерийских орудий. Известную роль в этом сыграли иноземные мастера, рядом с которыми стали работать русские ученики. Подробные характеристики различных образцов огнестрельного оружия, приведенные в трудах Бранденбурга, сохранили свое значение до наших дней. Некоторое затруднение для современных исследователей представляет использование им дореволюционных обозначений веса и калиб-

ров. Неоспоримая заслуга Бранденбурга состоит в изучении технологии производства артиллерийских орудий и боеприпасов к ним, в особенности зажигательных снарядов.

Предметом исследования А.И. Савельева и Ф.Ф. Ласковского стала история военно-инженерного искусства и инженерных войск в России. Первый из авторов обратился к проблеме развития фортификации в эпоху создания Московского государства и сделал два противоречивых заявления. С одной стороны, он воспроизвел тезис Н.С. Голицына, что Иван Калита, желая воспрепятствовать опустошениям, производимым татарами в Великом княжестве Московском, укрепил страну от Оки до Дона и через Дон к Волге. С другой стороны, он писал, что только «с постепенным водворением единодержавия» река Ока составила передовую охранную черту». Создание сплошного оборонительного рубежа произошло не ранее начала XVI в., когда начались крымские нападения на южнорусскую границу, вынудившие московские власти приступить к ее укреплению.

Главной заслугой Савельева стало изучение организации засечной службы, в том числе на западной границе. Но цитируя сохранившиеся документы, он ссылаясь не на «Акты исторические», где они были опубликованы, а на «Акты археографической экспедиции», чем ввел в заблуждение позднейших исследователей.

В качестве наиболее показательных примеров выучки и умения русских инженеров Савельев привел подробные сведения об осаде Казани (1552) и Смоленска (1632—1633), обороне Пскова 1581 г., Троице-Сергиева монастыря 1608—1609 гг., Смоленска 1609—1611 гг. Многие предположения и выводы автора представляют интерес и в настоящее время. Это касается указания на разделение участвовавшие в штурме Казани дворовых людей на сотни, находившиеся под начальством отборных детей боярских. Но в описании оборонительных действий русских войск у Савельева есть упущения. Подробно рассказав о неудаче армии Шеина под Смоленском в 1632—1633 гг., он проигнорировал имеющиеся свидетельства о героической обороне крепости Белая, защитники которой сорвали завоевательные планы польского короля, попытавшегося развить успех своей армии.

Высоко оценивая русское фортификационное искусство, Савельев отметил существование в России в эпоху Ивана Грозного особого сословия «розмыслов» – военных строителей. Однако общий уровень развития военного дела в стране исследователь определил как низкий. Созданное в 1550 г. стрелецкое войско, по его мнению, «существовало только по имени», так как стрельцы занимались торговлей и промыслами, «более нежели службой». Именно в этом Савельев видел причину отставания русского военного искусства от европейского. Следствием такого положения дел стала невозможность появления в России в XVI в. инженеров, «хотя в это время более нежели когда-либо по важности, какую занимало инженерное искусство, определялась необходимость в искусных его производителях».

Начало теоретического образования русских специалистов в инженерном искусстве Савельев связывал с появлением в России в годы правления царя Василия Шуйского перевода на русский язык «Устава дел ратных». В действительности, в 1606 г. М. Юрьев и И. Фомин перевели на русский язык соответствующие разделы трактата Л. Фронспергера «Военная книга», изданного во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Позднее перевод был использован Онисимом Михайловым (Радышевским) в книге «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», завершеном в 1621 г. В царствование Михаила Федоровича русская фортификация получила широкое развитие, хотя из-за нехватки средств правительство не имело возможности «помышлять о тех преобразованиях в инженерном искусстве, каким подвергалось оно в это время в других государствах». С этим обстоятельством Савельев связывал найм иностранных военных инженеров, наиболее известными из которых были: Ю. Матсон, К. Клаусен, П. Марселис, В. Шафф, Д. Таллер, Р. Мартыс, Г. Деконпин, Я. Роденбург. В Россию они приезжали с целым штатом помощников и учеников. Все инженеры причислялись к Пушкарскому приказу и получали там жалованье.

Савельев, подобно Зедделеру, обратил внимание на обучение русских ополченцев военному строю, введенному в 1609 г. в войске М.В. Скопина-Шуйского шведским военачальником Христиерном Сомме. Столетие спустя эти сведения обнаружил Г.Н. Бибиков, расценивший их как важнейшую «военную реформу», но не указал на научный приоритет своих предшественников. Автор подробно перечислил основные мероприятия властей по укреплению городов и пограничных защитных сооружений, обязанности воевод по их постройке и обороне.

Вскоре после публикации книги Савельева увидели свет «Материалы для истории инженерного искусства в России» Ф.Ф. Ласковского (СПб., 1858). Изучив бывшие в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что в допетровское время пределы Московского государства оборонялись не только отдельными укрепленными пунктами (городами, «жилыми» и «стоялыми» острогами и острожками), но и сторожевыми линиями – непрерывными линиями укреплений, имевшими значительную протяженность. Последние, по его свидетельству, «были двух родов, сообразно свойствам местности, чрез которую пролегали; на местах открытых, степных, они состояли из земляного вала, со рвом впереди, и назывались валом, чертою. В странах лесистых они образовывались из густых лесных завалов, непроходимых для войска, в особенности для конницы и обозов, это были засечные линии». Безусловно, в чистом виде такого разделения оборонительных приграничных укреплений на «валы» («черты») и «засеки» не существовало. Засечные «крепости» входили в состав «черт», но приведенный исследователем факт использования в засечном строительстве особенностей ландшафта и рельефа действительно имел место.

Изучая особенности крепостного строительства в Московском государстве XVI—XVII вв., Ласковский обнаружил характерные отличия, присущие отдельным участкам русской границы. Он полагал, что северные рубежи страны, из-за «неприсутности со стороны моря, не имели большой надобности в укрепленных пунктах». Необходимо отметить ошибочность этого утверждения. Начиная с середины XVI в. северорусские территории, в особенности Мурман и Беломорье, не раз становились объектом нападений датчан и шведов, определенный интерес к захвату Поморья проявляли и англичане. Неслучайно были воздвигнуты крепости в Коле, на Двине (Архангельский город), в Соловецком монастыре, других ключевых пунктах Русского Севера. Иногда угроза русским поселениям возрастала настолько, что вынуждала правительство принимать специальные меры. Как правило, дело ограничивалось укреплением обороны или временным запретом торговли в угрожаемых местах (например, в Кольском остроге в 1585 г.). Даже в самые тяжелые времена московское правительство неохотно шло на территориальные уступки северным соседям, стараясь сохранить неприкосновенность существующих границ. Ошибку Ласковского легко понять, рассмотрев список находившихся в северном краю городов и крепостей. На рубеже он упоминает лишь два укрепленных пункта – Архангельск и Пустозерск, далее, по дороге в глубь России – Холмогоры, Шенкурск, Олонец, Каргополь, Великий Устюг, Вологду и Чухлому. Вне его внимания остались Кольский острог и другие порубежные крепости Беломорья – Соловецкий монастырь, Сумский и Кемский остроги. Между тем, военное значение Кольского острога было велико. В середине XVII в. власти держали здесь 500 стрельцов (тогда как в Вологде их было всего 149). В названных Ласковским Пустозерске и Каргополе ратных людей в те годы вообще не было. Отмечая наличие на Русском Севере сильных крепостей, автор приходит к заключению об отсутствии «какой-либо оборонительной системы северной границы». Исходным пунктом его рассуждений стало в целом верное утверждение о том, что лучшим защитником этих мест была «малонаселенность и бедность края, при недостатке в сообщениях». Незначительные набеги, «которые могли быть производимы с северо-западной и северо-восточной границ», в состоянии были остановить, по мнению Ласковского, прикрывавшие их города-крепости. В действительности, на Беломорье существовала налаженная оборонительная система, во главе которой

стояли игумен и братия Соловецкого монастыря, отдельные участки границы и морского побережья охраняли гарнизоны, подчиненные кольским и двинским воеводам. В 1646 г. Москва и Архангельск вели переписку о закрытии укреплениями устья Северной Двины.

Восточная граница Московского государства, первоначально примыкавшая к Сибирскому, Казанскому и Астраханскому ханствам, после их завоевания отодвинулась за Уральские горы, а к середине XVII в. – к Охотскому морю. Присоединение Поволжья и Сибири сопровождалось строительством новых городов и острогов. Перечисляя их, Ф.Ф. Ласковский выделяет юго-восточный участок этого рубежа, обращая внимание на строительство Закамской сторожевой линии и крепостей в нижнем течении Волги.

Наиболее подробно автор освещает организацию обороны южной границы. Внимательно рассмотрев имевшиеся в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что первой линией, способной удерживать нападения крымских татар, была река Ока с находившимися на ней городами Перемышлем, Калугой, Тарусой, Алексиним и Каширой. В дальнейшем правительство вынуждено было приступить к строительству новых крепостей, необходимых для защиты русских земель к югу от Оки и северских городов, отвоеванных у Великого княжества Литовского. Даже в конце XVI в., по мнению Ласковского, «южная граница представляла мало обеспечения против внезапных вторжений неприятеля». Свое заключение исследователь подкрепил примером развернувшегося оборонительного строительства на юге при царе Федоре Ивановиче, когда были поставлены города Елец, Кромы, Ливны, Воронеж, Оскол, Курск и Белгород. Началом нового этапа в укреплении южнорусского порубежья Ласковский считал мероприятия правительства Михаила Федоровича Романова, вследствие которых «оборона южной границы была значительно улучшена правильным и более систематическим распределением ее средств». Отныне внимание властей было обращено не только на умножение числа крепостей, но и «на увеличение круга действия каждого из укрепленных пунктов. Для достижения этой цели начали устраивать между городами сильные полевые окопы в виде отдельных постов, а также небольшие сторожевые линии и засеки; для самостоятельной же обороны их строить городки».

Оборона западной границы опиралась на линию крепостей, преграждавших завоевателям путь к центру страны. Правильно определив роль и значение западнорусских городов, Ласковский допустил ряд ошибок в описании некоторых пограничных русских укреплений. Так, исследователь полагал, что при основании в 1492 г. Ивангород был «окружен деревянной рубленной стеною с башнями» и только после внезапного захвата шведами в 1496 г. обнесен каменными стенами. Изучение сооружений Ивангорода опровергает предположения автора. «Русская Нарва» изначально являлась небольшим каменным замком, площадью 1600 кв. м., выстроенным из местного камня-плитняка. В дальнейшем оборону Ивангорода усилили новыми укреплениями.

Помимо описания границ Ласковский подробно разобрал технические характеристики различных типов оборонительных сооружений, особое внимание уделяя появлению в Московском государстве приемов новейшей фортификации, в частности укреплений бастионного типа, использованию «гуляй-городов», разбору наиболее известных осад – Казанской (1552) и Смоленской (1632—1633). Говоря о вооружении русских крепостей артиллерией, Ласковский безосновательно предполагал, что упомянутые в летописи в 1382 г. тюфяки и пушки были не огнестрельными орудиями, а метательными машинами.

Особое место в военной историографии занимает исследование А.И. Яковлева, избравшего объектом изучения Засечную черту, прикрывавшую южные рубежи страны, а также организацию службы на этих «украинах».

Решение о создании на юге «защитного пояса засек» Яковлев связал с тяжелейшими последствиями крымского вторжения 1521 г. Задача осложнялась наличием нескольких степных дорог – Муравского, Изюмского, Калмиусского и Бакаева шляхов. Естественным рубе-

жом обороны Московского государства на этом направлении оставались реки Угра и Ока, но, как определил исследователь, с XV в. наметилась вторая «линия борьбы», выдвинутая вперед параллельно Оке и проходившая по линии Рязань (Переяславль-Рязанский) – Тула – Одоев – Белев.

Система обороны Окского и передового рубежей, по Яковлеву, «имела довольно сложный характер в зависимости от тех наличных средств, которыми располагало московское правительство». Подступы к ней прикрывали сторожевые казачьи посты и поселения служилого люда, укрепленные форты Засечная черта и крепости по Оке.

Подробно разобрав организацию службы на границе, автор пришел к выводу, что основой обороны служила засечная линия, по сути, являвшаяся главным рубежом страны. Засеки были хорошо известны в Древней Руси, но Большая засечная черта Московского государства представляла собой качественно новую систему обороны, включавшую не только лесные завалы, но и рвы, земляные валы, ряды скрепленных между собой надолбов, протянувшиеся на многие версты, что, при правильной организации службы на Черте могло остановить или задержать движение неприятельских войск.

Отдельные участки Засечной черты сомкнулись в 60-х гг. XVI в., когда они были приведены в «связную и сплошную систему, охрана и поддержание которой были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близлежащих уездов в особенности». В XVII в. протяжение засек Большой черты равнялось 1000 верстам, их укреплением ведал Пушкарский приказ, и только в чрезвычайных случаях руководство обороной засечного рубежа переходило к Разряду.

Сооружения Большой черты сильно пострадали в Смутное время, эпизодические починки не могли восстановить прежнего значения укреплений. В конце 1630-х гг. участвовавшие татарские набеги вынудили московское правительство возобновить старые и построить новые засечные «крепости». В делах Разрядного приказа сохранились подробные сведения о производимых на рубеже работах. Используя их, Яковлев подробно описал начатое строительство, трудности, с которыми встретились его организаторы и участники. Всего, по его подсчетам летом 1638 г. были восстановлены лесные завалы и другие укрепления на протяжении 297 верст 929 сажень. Таким образом, удалось надежно прикрыть наиболее опасные участки южной границы.

В XX в. подходы к изучению военной организации Русского государства претерпели разительные изменения. Их определила политическая конъюнктура, оказавшая решающее влияние на исследователей, занимавшихся обозначенной проблематикой. В 1930—1970-е гг. изучением военных аспектов политической истории Московского государства XV—XVII вв. занимались С.К. Богоявленский, А.А. Свечин, Е.А. Разин, Л.Г. Бескровный, А.А. Строков, А.В. Чернов, П.П. Епифанов. Сильной стороной их научной деятельности стала разработка малоизученного вопроса об участии в военных действиях мобилизованных воинов – так называемых «посошных» и «даточных» людей. Однако оно сопровождалось жесткой критикой поместного конного ополчения, искажающей реальное состояние русского военного дела.

Менее других исследователей этот недостаток был свойственен С.К. Богоявленскому, во многом продолжившему традиции дореволюционной военно-исторической науки. Именно этот автор, вопреки расхожему мнению о случайном подборе вооружения воинов поместной конницы, отметил, что чувство самосохранения заставляло дворян выбирать оружие в соответствии с приемами войны и вооружением противника. По этой причине «русские ратные люди проявляли мало инициативы в совершенствовании своего оружия», перенимая вооружение и тактику неприятеля. Главным противником Московской Руси в XVI в. историк считал татар, вооруженных почти исключительно холодным оружием. С этим обстоятельством Богоявленский связывал значительную разницу в средствах борьбы на юге и западе страны. Используемые им документы свидетельствовали, что в XVII в. в южных уездах с «огненным боем» на

службу выходили 39% дворян, а у 62% преобладающим вооружением были саадак и сабля. В юго-западных уездах, соприкасавшихся с крымской и польской границами, с огнестрельным оружием выходили 87% дворян, а с саадаками – 10%. На Западе почти все служилые люди вооружались «огненным боем».

Исследователь не ограничился изучением вооружения дворян, приведя сведения об оружии, использовавшемся их военными слугами. Сделанный им вывод достаточно интересен – оказалось, что боевые холопы, сопровождавшие своих господ на войну, вооружались лучше самих дворян. В то время как многие помещики еще пользовались саадаками, их слуги уже имели пищали.

Автор привел подробные сведения о вооружении крестьян и посадских людей, однако не объяснил и не оценил факта распространения боевого оружия в среде мирного населения.

Говоря о вооружении стрелецкого войска, Богоявленский отмечал, что «ружья у стрельцов были гладкоствольные, крупнокалиберные, длинные и тяжелые, называвшиеся мушкетами» и писал, что «внешним признаком мушкета был приклад, похожий на современный, с выемкой для большого пальца». Вряд ли следует считать основной характеристикой мушкета наличие характерного приклада, однако утверждение автора о вооружении стрельцов одними мушкетами неверно. Даже в XVII в. в стрелецких и в солдатских полках сохранялось известное число военнотружущих, вооруженных «легким оружием» (пищалами). Впрочем, и сам Богоявленский, приводя сведения о вооружении городских стрельцов, отмечал их большое разнообразие.

Пристальное внимание исследователь уделит организации и вооружению полков «иноземного строя», которые к середине XVII в. по численности, уже отодвинули «дворянское ополчение на второй план». Автор привел подробные характеристики различных образцов оружия, использовавшегося солдатами, драгунами и рейтарами, служившими в армии Московского государства.

Особенности организации вооруженных сил Московского государства XV—XVII вв. попытался выявить известный советский военный историк А.А. Свечин. Причиной преобразования древнерусских вооруженных сил Свечин считал жестокие «татарские уроки». По его мнению, именно на Востоке русские «усвоили <...> глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на Большой полк, полки Правой илевой руки, авангард и резерв (Передовой и Засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю – своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе, своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья». Даже Куликовскую победу Свечин связал с использованием русскими полководцами приемов ведения боя, заимствованных из монгольской школы. Отрицать влияния монголов на развитие русского военного искусства нельзя, однако сводить все достижения русского военного дела к простому заимствованию восточной тактики и боевой техники не стоит из-за принципиального различия задач, стоявших перед вооруженными силами Орды и русских княжеств. Татарским войскам был свойственен ярко выраженный наступательный характер действий. Они предпочитали вести войну на вражеской территории, тогда как основу русской стратегии составляла оборона своей земли, и лишь в случае удачного стечения обстоятельств наносился превентивный удар. Подобный способ борьбы подразумевал повышенное внимание к фортификационному обеспечению не только главных городов страны, но и небольших острогов и засечных «крепостей», где в случае вражеского нападения укрывалось местное население. Такое положение дел сохранялось до второй половины XVI в. По свидетельству Р. Гейденштейна, «ни на одно средство [великий] князь не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер; и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни

было другого народа». Понимая невозможность полного тождества русской и татарской военной организаций, Свечин отметил появление в Московском государстве поместной системы. Исследователь полагал, что главной задачей дворянской конницы была защита тех местностей, где они были испомещены, считая, что с ней служилые люди справлялись успешно, но для дальних походов дворянская милиция не годилась, так как являлась «нестройным» войском, способным на равных сражаться лишь с такими же нестройными неприятельскими ополчениями. В XVI в. организованные таким образом русские рати стали терпеть поражения в столкновениях с европейскими профессиональными армиями. Стрелецкая «упорядоченная пехота» не смогла исправить положения, так как в бою не была способна к сомкнутому удару. Поражения эпохи Смутного времени и неизбежность возобновления борьбы за Смоленск с Речью Посполитой вынудили московское правительство приступить к формированию первых солдатских полков из принятых в русскую службу иноземцев. Ненадежность наемников и скудость казенных средств вынудили московские власти пойти по другому пути – приступить к обучению иноземному строю русских людей. Сформированные полки представляли собой, по мнению Свечина, территориальные части. Единственным отличием от поместного ополчения являлось обучение их воинскому строю по западноевропейскому образцу, которое производилось один раз в год по месяцу. К концу XVII в. в России, по подсчетам автора, имелось 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Отметив появление в полках «нового строя» новых командных чинов прапорщика, поручика, капитана, майора, подполковника и полковника (чин генерала, введенный в русской армии во второй половине XVII в., не упомянут), Свечин тем критически оценил их профессиональные качества, отметив, что даже в первые годы правления Петра I офицерское звание в иноземных полках передавалось по наследству.

Перечисляя чины русской сотенной службы, автор назвал сотника, голову и полковника, не упомянув о чинах десятника, пятидесятника, а также важнейшем чине воеводы. Обратившись к условиям службы командиров поместного ополчения, Свечин выдвинул несоответствующий действительности тезис о том, что назначение дворянина или сына боярского «сотником, головой или полковником – это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью – лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой – командование полком – не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика». Разрядные книги того времени неизменно перечисляют не только воевод, но и голов, участвовавших в военных действиях. Так, в Разрядной книге 1559—1605 гг. в записи, рассказывающей о штурме Нарвы и Ивангорода 19 февраля 1590 г., названы участвовавшие в нем головы, командовавшие стрельцами, казаками, боевыми холопами и другими ратными людьми. Знакомство с «десятьями» показывает, что содержание сотенных голов разительно отличалось от жалованья рядовых помещиков. Так, в Рязке в конце XVI в. денежный оклад сотника составлял 10 руб. (за исключением 1, получавшего 6 руб., но имевшего 50 лишних четвертей земли), а их подчиненные получали по 5—8 руб. жалованья. В 1633 г. рязанский помещик Михаил Иванов, командовавший сотней во время отражения татарского набега, получил к старому окладу еще 5 руб. «головного» жалованья, «да сукно доброе». Между тем, тезис о «тяготе» служебных обязанностей командиров и отсутствии системы их поощрения позволил Свечину сделать вывод о том, что «московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу». При такой убийственной характеристике остается непонятным, каким образом такая армия смогла устоять в тяжелых войнах XVI—XVII вв. и расширить границы своего государства до Днепра и Тихого океана.

Наступление нового этапа в изучении отечественной военной истории было ознаменовано появлением фундаментальной работы Е.А. Разина «История военного искусства», написанной на базе марксистской науки. Это заметно отличало его труд от книги Свечина, опи-

равшегося на методы и наработки военных историков XIX – начала XX вв. Разин исходил из убеждения, что развитие военного искусства является цельным историческим процессом, но изучения заслуживает не всякая армия, не всякая война и не каждое сражение, а лишь привносящие новые формы борьбы. Выборочное изучение исторического материала позволило автору выделить главные линии развития военного дела, однако многие, с его точки зрения, не особенно важные события, остались за рамками исследования. При этом значение того или иного явления он оценивал субъективно, часто его оценки не соответствовали фактам, имевшимся в науке. Так, изложение войн Московского государства с казанскими татарами Разин начинает с 1521 г., ничего не сообщая об ожесточенном противоборстве двух государств во второй половине XV и в начале XVI в. Малозначимыми признал исследователь события русско-шведских войн 1495—1497 и 1554—1557 гг. и русско-литовского противоборства 1534—1537 гг., важного уже в том отношении, что именно тогда при осаде польско-литовской армией Стародуба под стены этой крепости впервые в нашей истории была подведена пороховая мина. Говоря о русских войнах XVII в., «имевших значение в развитии военного искусства», Разин отмечает «борьбу донских казаков за Азов, вторую крестьянскую войну 1670—1771 гг., освободительную войну украинского народа 1648—1654 гг., крымские походы русского войска 1687 и 1689 гг.». Вне его изысканий остались Смоленская война 1632—1634 гг., русско-польская война 1654—1667 гг., русско-шведская война 1656—1658 гг., русско-турецкая война 1676—1681 гг. Значение этих конфликтов в истории России очевидно, без тщательного изучения их невозможно всесторонне рассмотреть изменения, происходившие в организации вооруженных сил страны. Примером тому служит предпринятая Разиным попытка проследить историю формирования первых русских полков «нового строя», созданных накануне Смоленской войны. Упоминая об этом, автор не подвергает разбору боевую деятельность этих полков, ограничившись краткой записью, что «по окончании войны личный состав полков был распущен по домам». На этой основе сделан вывод: «Следовательно, новые полки XVII в. нельзя характеризовать как регулярную армию, они не являлись даже постоянным войском».

Многие высказывания и предположения историка (об измене в 1471 г. русскому народу новгородских бояр, вступивших в «сговор с польско-литовскими феодалами», необходимости самодержавия Ивана Грозного «для уничтожения междоусобиц и для обеспечения обороноспособности государства», «положительном значении» восстания Болотникова в развитии «борьбы угнетенных народных масс за свое освобождение, о завершении строительства Белгородской Черты к концу 40-х гг. XVII в.) были опровергнуты во второй половине XX в. Но в ряде случаев, факты вынуждали автора осуждать ряд «прогрессивных» действий руководства страны. Ярким примером такого, в целом не свойственного Разину, критического подхода служит его оценка опричнины Иваном Грозным, призванной «окончательно сломить родовую знать, бояр и потомков бывших князей». Следствием опричной политики стало уравнивание знати с остальными служилыми людьми и исчезновение удельных дружин, но «на развитие экономики страны опричнина оказала отрицательное влияние, так как усиливала крепостничество и дезорганизовывала торговлю и ремесленное производство». Это обстоятельство вынудило историка сделать вывод: «Своими действиями опричники расшатывали политические основы государства и тем самым ослабляли его обороноспособность». Нельзя принять тезиса Разина о печальной участи талантливых военачальников-патриотов, права которых «правлящая верхушка господствующего класса, как правило, ущемляла», а зачастую просто уничтожала. В подтверждение своих слов он пишет о судьбе некоторых известных полководцев: «Скопина отравили, Шеину решением правительства Михаила Романова отрубили голову, Пожарского третируют». Забыт им оказался лишь М.И. Воротынский, замученный по ложному доносу палачами Ивана Грозного в 1573 г. Между тем в судьбе М.В. Скопина-Шуйского не все ясно. Слух о его отравлении родственниками Василия Шуйского исходил из среды врагов царя и имел целью очернить московского правителя. Воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов были каз-

нены после неудачной осады Смоленска по приговору Боярской думы за самовольную капитуляцию перед поляками. И уже совсем мифическим является предположение о третировании властями Д.М. Пожарского, ставшего в правление Михаила Романова боярином, руководившим важнейшими приказами (Галицкой четью, Ямским, Разбойным, Приказных дел, Московским судебным), в 1628—1630 гг. находившегося на воеводстве в Новгороде, милостью государя ставшего одним из крупнейших русских землевладельцев.

Пристальное внимание Разин уделил изучению комплектования, вооружения и обучения русского войска. Он полагал, что главным результатом «становления Русского централизованного государства явилось возникновение централизованной вооруженной организации с единым верховным командованием». Все решения по военным вопросам принимал теперь единолично государь. Однако в армии сохранялись и «феодалные пережитки». К их числу автор относил местничество, несколько ограниченное Иваном IV, и коллегиальный характер командования полками, во главе которых стояли несколько воевод.

Определенный интерес представляет настойчиво проводимое Разиным противопоставление поместного войска старому феодальному ополчению. Историк утверждал, что хотя после окончания походов большая часть помещиков распускалась, но поскольку «для охраны границ государства необходимы были пограничные войска», то к обороне рубежей привлекались остававшиеся на службе части, формировавшиеся из казаков и детей боярских. Так на поместной основе зародилось постоянное войско. К нему исследователь отнес личный состав наряда (артиллеристов) и стрельцов, появление которых, по его мнению, «явилось по существу зарождением русского регулярного войска». Важной особенностью вооруженных сил Московского государства Разин считал привлечение на службу широких слоев городских и сельских жителей, кочевого населения и казачества. При этом, не совсем логично, исследователь забывает о собственном утверждении о классовом характере русского войска.

В целом точно сообщая о развитии русской артиллерии, упорядочении службы помещиков в середине XVI в., Разин упомянул о создании стрелецкого войска, но, доверившись автору «Казанской истории» утверждал о существовании стрельцов в московском войске ранее 1550 г. В настоящее время признано, что все упоминания о стрельцах до учреждения 6 первых подразделений «выборных стрельцов» летом 1550 г. относятся к отрядам пищальников.

Отметив, что после потрясений Смутного времени правительство пошло по пути восстановления старой системы военной организации, Разин подчеркнул, что произошедшие социальные и политические изменения в стране, а также наличие отрицательного боевого опыта первой четверти XVII в. потребовали проведения военных реформ. Сущность их историк видел «в усилении темпа перехода к постоянной армии и увеличении численности таковой». Мероприятия, осуществленные в 1630—1650-х гг., привели к укреплению национального облика русского войска, так как в отличие от европейских государств, где постоянные армии возникали на основе наемничества, в России она формировалась «на основе верстания в службу основного боевого состава: дворян, детей боярских, иногда татар и казаков, и прибора (набора) в службу тяглого населения с количества земли или дворов».

Впрочем, военные реформы XVII в. историк оценивал невысоко, считая, что «середину и вторую половину века можно рассматривать лишь как период, создавший предпосылки и необходимые условия для учреждения русской регулярной армии». Он дезавуировал слова Петра I, признававшего, что еще его отец, царь Алексей Михайлович «в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был». Разин полагал, что сформированные тогда «новые полки представляли собой только начало организации регулярной армии, ее зарождение», поскольку они «распускались после войны и даже пограничные полки собирались только на летний период».

Несмотря на отмеченные недостатки, Разин смог осветить многие страницы военной истории, а его труд долгие годы считался лучшим исследованием в своей области. Особенно

выигрывал он в сравнении с вышедшим в 1955 г. курсом лекций «История военного искусства», ответственным редактором которого был Л.Г. Бескровный. Возглавленный им коллектив авторов подверг наработанный военно-исторической наукой материал существенной ревизии, исходя из господствовавшего тогда представления о том что «проповедники безродного космополитизма и у нас проводили свою подрывную работу». По этой причине авторы полностью исключили из текста упоминания о существовании в русской армии формирований, созданных из выехавших на русскую службу иноземцев. Н.В. Ширякин, написавший главу «Военное искусство периода образования и укрепления русского централизованного государства», повествуя об осаде Казани в 1552 г., не упомянул о немце «розмысле», руководившем сооружением подкопов. М.Л. Альтговзен в главе «Русское военное искусство в начале XVII в.» писал о введенном М.В. Скопиным-Шуйским обучении ополченцев действиям в «линейных боевых порядках», умалчав о том, что их военной подготовкой руководил шведский инструктор Христиерн Сомме, научивший русских строить полевые укрепления по нидерландскому образцу.

Авторы не учли высказанного Е.А. Разиным предположения о существовании постоянных отрядов поместной конницы, полагая, что дворянское ополчение собиралось лишь «на смотры в мирное время и для несения военной службы в военное время». Таким образом, не отмеченным осталось участие поместного войска в ежегодной охране и обороне южных границ. Сторожевую и станичную службу, по их мнению, несли лишь казаки, что противоречит известным фактам, так как к службе на рубеже привлекались и дети боярские. Например, из Хотмышска в 1649 г. посылались две сторожи, в каждую из которых назначались по 3 сына боярских и по 6 казаков. В конце XVI в. правительство предписывало воеводам пограничных городов выдвигать на рубеж со стоялыми головами большие отряды, составленные в основном из детей боярских, вооруженных огнестрельным оружием. Из этих документов видно, что в вопросе о характере пограничной службы городовых детей боярских ближе к истине находился Е.А. Разин. Неудачным следует признать выдвинутый Н.В. Ширякиным тезис о прогрессивной роли опричного войска. В боевом отношении оно ничем не отличалось от дворянских отрядов, служивших под началом земских воевод, а участие опричников в карательных акциях против политических противников Ивана Грозного не является основанием считать их качественно новым элементом русской армии.

К числу других недостатков авторов курса лекций относятся ошибки в освещении войн XVI – начала XVII вв. Так, осталась неотмеченной русско-литовская война 1512—1522 гг., в ходе которой к Московскому государству присоединена была Смоленская земля. Серьезный просчет допустил М.Л. Альтговзен, не заметивший Клушинской битвы, но написавший, что «изменники-бояре пригласили на русский престол польского королевича Владислава и призвали в Москву польские войска, стоявшие в Клушине (под Москвой)». С переносом смоленского села Клушино, находящегося под Гжатском, на 150 км на восток к Москве согласиться невозможно. В любом случае следовало бы рассказать о том, каким образом польская армия гетмана С. Жолкевского оказалась под стенами русской столицы.

Вслед за Е.А. Разиным авторы отмечают, что в отличие от Западной Европы наемничество в России не получило распространения. Для обеспечения военных задач в Московском государстве действовал принцип обязательной службы земледельцев и городского населения. Однако, в отличие от Разина, они не отнесли к появившимся в XVI в. постоянным войскам дворянские формирования, считая, что постоянной частью московской армии являлись лишь стрельцы и городские казаки, с которыми Н.В. Ширякин отождествлял упоминавшихся в источниках первой половины XVI в. пищальников. Время образования стрелецкого войска определено точно – первые стрелецкие приказы действительно сформировались в 1550 г.

Одновременно с указанной коллективной работой из печати вышел первый том «Истории военного искусства» А.А. Строкова. В нем по-новому освещались многие события воен-

ной истории России XV—XVII вв. Обратившись к реалиям международной обстановки, автор пришел к выводу, что «постоянная борьба на юго-восточных, южных и западных границах, огромных по своей протяженности, требовала создания большого и в то же время подвижного конного войска, готового незамедлительно выступить и дать отпор противнику». В отличие от других исследователей, Строков высоко оценивал возможности поместного войска, полагая, что «дворяне, служившие в коннице, были заинтересованы в военной службе и с детства готовились к ней. Русская конница в XVI в. имела хорошее вооружение, отличалась быстрыми действиями и стремительными атаками на поле боя».

К постоянному войску Строков, как и предшественники, относил стрелецкую пехоту, указывая, что в составе русской армии были «в очень небольшом количестве» и конные стрелецкие части. Помимо стреляющих стрельцов, других конных подразделений он не называет. Между тем, даже в дореволюционных публикациях источников упоминается значительное число конных стрельцов, имевшихся в некоторых южнорусских городах, например, в Астрахани. Неаргументированным осталось утверждение автора о необходимости введения в разгар Ливонской войны опричнины, как средства укрепления военных сил Московского государства. Этот тезис историку был необходим для следующего вывода: «Иван Грозный был крупный полководец, замечательный реформатор, организатор постоянного войска, выдающийся стратег и тактик». Но Строков признавал, что «в полководческой деятельности Ивана Грозного были недостатки и отдельные промахи, в частности в том, что он редко непосредственно сам руководил войсками на театре войны».

К недостаткам работы Строкова относится также отсутствие развернутого описания Клушинского сражения 1610 г., сведений о Смоленской войне 1632—1634 гг. Называя в числе наставлений, использовавшихся в России в середине XVII в., «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» он писал о том, что авторы сочинения не известны, хотя еще А.З Мышлаевский и А.К. Баиов определили, что «Учение» – перевод книги капитана датской службы Вальгаузена «Kriegkunst zu Fuss», изданный в 1615 г.

Наиболее крупным исследованием военной организации Московской Руси вплоть до настоящего времени остается работа А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» (М., 1954). Автор критически отнесся к деятельности предшественников, осудив их за преклонение перед иностранцами, отрицание самостоятельности русской военной организации и идеализацию дворянской конницы. Чернов отвергал даже монгольское влияние на военное искусство Руси, утверждая, что «монголы и тем более другие кочевые народы стояли ниже русского народа как в отношении общественного развития, так и в организации вооруженных сил». Не совсем понятен тогда не столько факт завоевания Руси монголами (автор объясняет ее феодальной разобщенностью русских княжеств), сколько длительной и тяжелой борьба Московского государства с татарскими вторжениями в XVI и XVII вв.

Основой вооруженных сил страны историк считал поместное ополчение, являвшегося также «классовой опорой самодержавия». Одним из первых в отечественной науке он связал с реформой дворянского ополчения Приговор об отмене кормлений и о службе, согласно которому наместнический «корм» власти заменили «кормленным окупом», поступавшим в казну и являвшимся одним из источников государственного дохода. В ходе реализации Приговора сформировались особые государственные финансовые органы – «Четверти», сыгравшие важнейшую роль в обеспечении денежным жалованьем служилых людей.

Оценивая качества опричной армии Ивана Грозного, Чернов считал его боеспособным войском, охранявшим границы государства и участвовавшим в военных действиях наравне с земскими полками. Создание особой военной организации, отличной от земского войска, исследователь оправдывал необходимостью ликвидации многочисленных отрядов вооруженных слуг, с которыми княжата ранее выходили на службу. С нашей точки зрения, разрушение

традиционной системы использования вотчинных ратей ослабило вооруженные силы страны и привело к неудачному исходу Ливонской войны.

Выделяя из состава русского войска стрельцов, Чернов относил возникновение первых стрелецких подразделений к 1545 г., полагая, что в 1550 г. они получили лишь самостоятельную войсковую организацию. Большинство исследователей не согласилось с его доводами, полагая, что до 1550 г. существовали лишь отряды пищальников.

Сильной стороной работы Чернова является введение в научный оборот архивных материалов, прежде всего «росписей» русского войска 1629, 1632 (указанные росписи историк ошибочно датировал 1630 и 1632 гг.) и 1651 гг., позволивших автору определить приблизительную численность вооруженных сил в годы составления ведомостей. К сожалению, при расчетах им было сделано несколько ошибок, исказивших итоговые цифры. Автор подробно разобрал изменения в организации сторожевой и станичной службы, произошедшие в 1571 г. Однако, следовало бы назвать и другие мероприятия по совершенствованию охраны границ, осуществленные в конце XVI – первой половине XVII вв., в ходе которых первоначальная пограничная служба претерпела серьезные изменения.

Развитию военного дела в России в XVI—XVII вв. посвящен ряд статей П.П. Епифанова, написанных для многотомного исследования «Очерки русской культуры». Автор полагал, что в XVI в. «сложилась военная организация Русского централизованного государства со столицей в Москве». Сосредоточение вооруженных сил в руках феодальной монархии стало велением времени, что повлекло усовершенствование вооружения русского войска, которое «не только не уступало, но во многих отношениях превосходило вооружение других современных армий».

Исследователь изучил состав московского войска, способы его комплектования, сложившийся к середине XVII порядок управления вооруженными силами, обеспечение службы ратных людей.

Некоторые из выводов Епифанова представляют значительный интерес. Так, он отмечал высокие боевые качества русской дворянской конницы, выносливость и привычку русских воинов «к суровой жизни в поле, особенно в сильные морозы и снегопады, строгость существующей в московской армии дисциплины». Разбирая социальный состав стрелецкого войска, историк подчеркивал его неоднородность. Если первоначально рядовых стрельцов набирали из нетяглых крестьян и горожан, поступавших в стрельцы добровольно, то с течением времени стрелецкая служба стала наследственной. Низший командный состав рекрутировался из старослужащих, стрелецкие головы и сотники назначались только из дворян. Автор первым в отечественной науке обратил внимание на потери, понесенные стрельцами в годы Смутного времени, отметив, что в 1616 г. стрелецкий гарнизон Москвы насчитывал всего 2000 человек, значительно сократилась их численность и в других городах. Чрезвычайно высоко Епифанов оценивал профессиональное мастерство русских пушкарей, полагая, что общая численность пушкарей и затинщиков в XVI в. составляла уже не менее двух тысяч человек, уровень подготовки которых проверялся на регулярно проводимых учебных стрельбах. В XVII в. в состав вооруженных сил Московского государства вошли полки солдатского, рейтарского и драгунского строя. Комплектование их во второй половине XVII в. осуществлялось фактически за счет набора рекрутов с определенного числа дворов. Пристальное внимание исследователь уделил общей боеготовности населения. По наблюдениям П.П. Епифанова, она была очень высокой: среди посадских людей ружье имел один из пяти человек, а среди крестьян и бобылей, привлеченных к осадной службе, пищали находились у каждого шестого человека.

Автор подробно описал вооружение русского войска, но допустил несколько ошибок. Так, он полагал, что «каменные ядра в XVI в. почти совсем вышли из употребления: все без исключения орудия, описанные писцами, имели запас свинцовых и железных ядер разного веса». Между тем, такие снаряды продолжали использоваться и в XVII в., о чем свидетельствует составитель «Устава ратных, пушечных и других дел» Онисим Михайлов, указавший

каменные ядра в качестве основных боеприпасов для целого ряда орудий (верховые пушки «Обезьяна», «Можжира» и др.). Орудия, стрелявшие каменными 6- и 4-пудовыми ядрами находились в составе в русской осадной артиллерии даже в годы Смоленской войны 1632—1634 гг.

Нельзя согласиться с утверждением П.П. Епифанова об установлении «определенного законом окладе поместий». Документы XVI—XVII вв. свидетельствуют, что в каждом уезде поместные оклады служилых людей имели пределы, заметно отличаясь от окладов дворян и детей боярских соседних городов.

Подобно А.Г. Елчанинову, Епифанов основательно запутался в датировке Ливонской войны. В одной из своих статей «Войско и военная организация» он сначала пишет, что война вспыхнула в 1558 г. и «продолжалась четверть века», но ниже отмечает, что через три года после взятия Казани (т. е. в 1555 г.), «в самом начале Ливонской войны (!), из Москвы на «немецкий рубеж» посланы были с другими ратными людьми конные стрельцы и казаки». О том, что это утверждение не случайная описка, свидетельствует запись автора о доставке в 1555 г. русских пушек к «Ливонскому рубежу». Налицо ошибочное соотнесение событий русско-шведской войны 1554—1557 гг. с событиями Ливонской войны 1558—1583 гг.

Самые значительные ошибки сделаны Епифановым в другой его статье «Крепости». Невозможно согласиться с утверждением, что строившиеся в русских городах и острогах «глухие» башни имели ворота. Из описаний крепостей того времени видно, что башни с воротами именовались «проезжими», а «глухими» – исключительно закрытые крепостные сооружения, имеющие лишь «окна» (амбразуры). Так, крепость в Шацке имела 4 «проезжих» и 10 «глухих» башен, в Ельце – 4 «проезжих» и 6 «глухих», в Кромах – 1 «проезжую» и 10 «глухих» башен. В.В. Косточкин при описании укреплений Тверского кремля конца XIV в. отдельно упоминал «проезжие» (воротные) и «глухие» башни.

Исследований, по уровню обобщения основных проблем военной истории Московского государства XV—XVII вв., соответствующих перечисленным работам, в последнее время написано не было. Вышедшая в 2000 г. коллективная монография «На пути к регулярной армии России: от славянской дружины к постоянному войску», под общей реакцией В.А. Золотарева и Ю.П. Квятковского, представляет собой общий рассказ о деятельности наиболее прославленных русских полководцев, дополненный кратким обзором устройства вооруженных сил Московского государства, в основе восходящим к сочинению Е.А. Разина.

Авторы монографии не сумели справиться с главной задачей – представить во всей полноте «границы характеров и судеб прославленных военачальников и полководцев России». В книге не нашла отражения деятельность Д.Д. Холмского, Д.Ф. Бельского, А.Б. Горбатого, П.С. Серебряного, прославившегося героической обороной Пскова И.П. Шуйского. При описании хода военных действий, в которых отличились русские войска, пропущенными оказались русско-литовская война 1534—1537 гг. и Смоленская война 1632—1634 гг. Описанию Ливонской войны 1558—1583 гг. посвящен всего один абзац!

Возражения вызывают некоторые утверждения авторов монографии, касающиеся организации русского войска. Противопоставляя стрельцам дворян, они отмечали, что помещики «неохотно брали на вооружение огнестрельное оружие, ибо оно было тяжелым, требовало постоянного «навыкания» в обращении с ним. По этой причине пищальями снабжались их военные слуги-холопы». В действительности, в конце XVI в. в составе дворянской конницы, особенно на южной границе, насчитывались сотни, поголовно вооруженные «вогненным боем» – факт, давно известный в исторической науке.

Нельзя согласиться с их предположением о зарождении в России еще в XVI в. линейной тактики. Использовать ее стала стрелецкая пехота, прикрывавшая свои порядки, вместо «гуляй-города» подручные средства: обоз, временные засеки или естественные препятствия – ручьи, реки». По-видимому, авторам неизвестно, что термин «обоз» был тогда тождественен

термину «гуляй-город», подтверждение чему применительно к 1591 г. можно найти в сочинении дьяка Ивана Тимофеева: «Наше преславное ополчение, все войско земли нашей стояло тогда на некотором месте вблизи внешних укреплений самого великого города, по ту сторону Москвы-реки; оно называлось попросту обоз, **а по древнему названию – «гуляй»** (выделено нами. – *В.В.*)». Об использовании «гуляй-городов» русскими войсками в начале XVII в. упоминают Н. Мархоцкий и С. Маскевич. О появлении в России элементов линейной тактики можно говорить лишь с 1630– 1640-х гг. после создания полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, личный состав которых проходил систематическое строевое обучение.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что многие ключевые вопросы военной истории Московского государства конца XV – середины XVII вв., касающиеся организации русской армии, ее комплектования, вооружения и снабжения, особенностей боевой практики, остались не проясненными. Оценку их историками следует признать спорной и не отвечающей современному состоянию исторической науки.

* * *

Использованные в работе над книгой источники можно условно разделить на следующие группы:

1. Материалы законодательной деятельности государственных учреждений, дипломатические документы, памятники писцового делопроизводства, воинские наставления, инструкции и уставы.

2. Летописи, хронографы и другие нарративные (повествовательные) источники.

3. Сочинения иностранных дипломатов и путешественников, а также офицеров, служивших в русской армии или воевавших с ней и оставивших записи мемуарного характера.

Первая группа источников представлена материалами законодательной деятельности государственных учреждений и памятниками писцового делопроизводства конца XV – первой половины XVII в. К ним относятся: Судебники 1497 и 1550 гг., Уложение о службе 1555/1556 гг. и Соборный Приговор 1604 г., Приговор «Совета всей земли» Первого ополчения 1611 г., Соборное Уложение 1649 г., различные международные договоры и обязательства, сохранившаяся дипломатическая переписка, великокняжеские и царские «указные грамоты о всяких государевых делах», а также указы воеводам, воинские уставы и наставления.

Первые русские законодательные сборники – Судебник 1497 г. великого князя Ивана III и Судебник 1550 г. царя Ивана IV – почти не отражали специфических вопросов организации военной службы, являясь преимущественно памятниками процессуального права. Однако ряд статей первого из кодексов показывает, что в законодательстве было четко определено особое положение в московском обществе служилых людей – детей боярских (ст. 12—13, 40, 42, 45). К теме нашего исследования непосредственно относится статья 56 Судебника 1497 г., в которой устанавливалось, что бежавшие из татарского плена холопы становились свободными людьми. Некоторые комментаторы расценивали это как своеобразную награду отличившимся в борьбе с татарами, однако, как видно из текста статьи, предписывалось освобождать всех «выбежавших ис полону» без учета боевых отличий.

Составители «царского» Судебника 1550 г. оговаривали права и привилегии детей боярских (ст. 26, 58—59), дополняя их важным запрещением принимать служилых людей и их детей в холопы, «опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81). Эта норма не имела прецедента в прежнем русском законодательстве и призвана была защитить интересы мелкопоместных служилых людей от покушений на их свободу со стороны крупных землевладельцев. Как и в старом кодексе, в новом Судебнике предписывалось освобождать вернувшегося из плена холопа (ст. 80), но перечень условий освобождения значительно расширился. На волю отпускались холопы, вернувшиеся из любого, а не только татарского, плена.

За ними сохранялась возможность добровольного возвращения к господину; в этом случае каждого холопа-полоняника следовало «явити бояром, а дьяку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну». В случае обнаружения, что вернувшийся из-за границы холоп не был пленен, а бежал за пределы страны один или с господином («государем своим»), освобождения не происходило. Чрезвычайно важным при перечислении наиболее опасных преступлений представляется включение в общерусский свод законов упоминание о «градских здавцах» – лицах, сдавших неприятелю крепость (ст. 61).

Важное значение для упорядочения обязанностей вотчинников и помещиков имело Уложение о службе 1555/1556 г., установившее, что каждый служилый человек, помимо личного участия в военных действиях, должен приводить с собой в войско «уложенных людей», по 1 конному человеку с каждых 100 четвертей доброй «угожей» земли. Исправное выполнение воинских обязанностей проверялось на смотрах, являясь обязательным условием для подтверждения пожалованных поместных и денежных окладов. После Великого голода 1601—1603 гг. численность боевых холопов заметно сократилась, и правительство Бориса Годунова было вынуждено отменить ряд положений Уложения 1555/1556 г. Датированный 12 июня 1604 г. Соборный Приговор вводил новый порядок несения военной службы: отныне в полки выставлялся 1 холоп не со 100, а с 200 четвертей земли. Уклонившимся от исполнения обязанностей вотчинникам и помещикам грозила конфискация владений, которые следовало передавать «беспоместным и малопоместным, кои служат, детям боярским и иных чинов людям».

События Смутного времени потребовали более детальной регламентации обязанностей различных разрядов военно-служилого сословия. Подтверждением этому служат статьи Приговора «Совета всей земли», принятого под Москвой в лагере Первого земского ополчения 30 июня 1611 г. Приговор не только юридически оформил власть подмосковного общеземского совета, но и непосредственным образом коснулся организации вооруженных сил страны. Заметную роль в ополчении играли служилые люди «по отечеству», основным вопросом для которых стал размер поместных пожалований и его детальная регламентация. Острое недовольство вызывала бесконтрольная раздача земельных владений, происходившая в годы противоборства Василия Шуйского и Лжедмитрия II. Для разрешения споров и принятия решения, способного успокоить служилых людей, было решено при распределении земли руководствоваться нормами, сложившимися при прежних, «прирожденных» царях (ст. 1), за исключением дворян и детей боярских, награжденных вотчинами за службу в войске М.В. Скопина-Шуйского и за оборону городов (ст. 8). Преимущество в испомещении отдавалось тем служилым людям, которые «ныне под Москвою в полках служат, <...> а поместий за ними нет, или у которых поместья разорены, и поместьями своими не владеют от литовского разоренья» (ст. 4). При этом составители Приговора не возражали против тушинских и прежних польских пожалований, если они соответствовали норме и служебным обязанностям помещика (ст. 9). Две статьи были посвящены нетчикам – воинам, уклоняющимся от службы, и дезертирам. Составители Приговора предписывали лишать их поместных владений (ст. 12—13). Возросшее значение казачества потребовало юридического оформления условий службы атаманов и рядовых казаков. Впервые русское законодательство официально разрешало верстать их «поместными окладами и служить с городы», то есть зачислять в состав уездной дворянской корпорации (ст. 17). Ряд статей Приговора посвящался определению структуры органов, осуществлявших управление государством. Военные дела поручались «начальникам» земской рати (П.П. Ляпунову, Д.Т. Трубецкому и И.М. Заруцкому) и дьякам восстановленного Большого Разрядного приказа (ст. 21).

Вопросы организации военного дела были затронуты и составителями Соборного уложения 1649 г. Им посвящалась 7-я глава, называвшаяся «О службе всяких ратных людей Московского государства». Она состояла из 32 статей, определявших права и обязанности военнотружущих, преимущественно в военное время. Большинство статей Уложения регламентировали

порядок сбора ратных людей в полки и процедуру освобождения от службы, допускавшейся лишь по царскому указу или «для самых нужных дел» (ст. 2, 10, 11, 13, 14, 17, 18). Ряд статей определял порядок обеспечения войск (ст. 1, 3, 4, 5, 21, 23, 25). Особо подчеркивалось, что за службу «велит государь своим государевым людем всего Московского государства дати свое государево жалованье». Все расходы по содержанию войск возлагались на население страны: «И на то государево жалованье ратным людем денги збирати со всего Московского государства» (ст. 1). В случае необходимости «хлебные запасы» и «конские корма» предписывалось покупать у местного населения, но «по указной цене у тех людей, у которых хлебные запасы и конския кормы будут в лишке». Особо подчеркивалось, что «указная цена» – дешевле «торговой цены» (ст. 21). Дисциплинарным вопросам посвящались статьи 6, 22, 24, 30, 31, 32, борьбе с дезертирством и изменой – 8, 9, 12, 15, 16, 19, 20. Беглецов следовало наказывать кнутом и лишать части имения, предателей – вешать «против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взяти на государя». В числе провинностей упоминалась также кража оружия, за которую виновного полагалось «бить кнутом нещадно» (ст. 28) и конокрадство, каравшееся отсечением руки (ст. 29).

8-я глава Соборного уложения посвящалась «искуплению» пленных. Дело это почиталось великим христианским долгом, лежащим на всем населении страны (ст. 1). Преимуществом при определении размеров выкупа пользовались служилые люди. За дворян и детей боярских, взятых в плен «на боех» «на окуп», давалось по 20 руб. с каждых 100 четвертей их поместного оклада, за прочих – по 5 руб. Московские стрельцы выкупались по 40 руб. за человека. За городовых стрельцов и казаков давали 25 руб., за посадских людей – 20 руб., за пашенных крестьян и боярских людей – 15 руб. за человека (ст. 2—7).

К этому же разряду источников относятся различные международные договоры, заключенные московским правительством с послами Великого княжества Литовского (после 1569 г. – с Речью Посполитой), Ливонского Ордена, Швеции, Казанским и Крымским ханствами, Ногайской Ордой. Часть документов опубликована в соответствующих сборниках Русского исторического общества и в Литовской Метрике, часть хранится в РГАДА в фондах 79 (Сношения России с Польшей), 89 (Сношения России с Турцией) 96 (Сношения России со Швецией), 123 (Сношения России с Крымом), 127 (Сношения России с ногайскими татарами), 389 (Литовская Метрика). Особо следует отметить договоры эпохи Смутного времени. Они зафиксировали соглашения различных политических группировок расколотого непримиримой враждой российского общества с польским королем Сигизмундом III и гетманом С. Жолкевским, действовавшим по его поручению (Смоленский, Царево-Займищенский и Московский), согласие русской стороны признать своим царем королевича Владислава, сына Сигизмунда III.

Ценнейшие сведения по военной истории Московского государства содержит документация Разрядного приказа, дяки которого вели подробные записи назначений на все высшие военные должности. Сведения о них заносились в разрядные книги, первые записи которых восходят к событиям последней четверти XV в., подробно описывают участие командного звена русского войска в войнах XVI – первой половины XVII вв. Первое издание официальных разрядных книг относится к 1853 г. когда были опубликованы записи, относящиеся к первой четверти XVII в., в том числе сведения, касающиеся посылки воевод по городам во время Московского похода королевича Владислава 1617—1618 гг. При работе над использовались данные Разрядных книг 1475—1598 гг., 1559—1605 гг., 1475—1605 гг., 1550—1636 гг., 1598—1638 гг., а также изданные С.А. Белокуровым «Разрядные записи за Смутное время» (М., 1907), регистрировавшие перемещение служилых людей на военной, гражданской (административной) и придворной службе. Несмотря на фрагментарность сохранившихся записей, они отразили основные тенденции социально-политического развития русского общества, состояние дел в административно-управленческом аппарате, характер и основные направления

распорядительной деятельности Разрядного приказа. Из частных разрядных книг, фиксировавших служебные назначения представителей одного из знатнейших московских родов, уникальностью сведений выделяется Разрядная книга князей Пожарских, хранящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Сохранившийся рукописный список памятника датируется серединой XVII в. Он был сделан по заказу убитого под Конотопом в 1659 г. князя С.Р. Пожарского с не дошедшей до нас рукописи, принадлежавшей его знаменитому дяде Д.М. Пожарскому. Эта разрядная книга начинается описанием событий осады Кеси (Вендена) войском И.И. Голицына и В.Л. Салтыкова во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г., а заканчивается 1605 г.

Не менее важным источником являются «десятники» – служебные списки дворян и детей боярских, составлявшиеся при их верстании, разборе и выдаче денежного жалованья, поэтому все сохранившиеся десятники можно разделить на три основных типа: верстальные, разборные и раздаточные. Некоторые из них опубликованы В.Н. Сторожевым и Ю.В. Готье, однако значительное число относящихся в основном к XVII в.

хранится в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов в особом разделе «Дела десятен». Там же находятся «Книга сметная города Путивля», которую открывает ценнейший по содержанию наказ новоначинным воеводам Б.М. Нагому и П.Н. Бунакову, разборные книги донских атаманов и раздаточные книги о выдаче денежного жалованья военнослужащим полков солдатского, драгунского и рейтарского строя.

Важную информацию содержат указные, похвальные жалованные и ввозные грамоты, указы, боярские приговоры, отписки воевод, станичных и заставных голов, прочетные грамоты городов эпохи Смутного времени, разрядные и разметные списки, росписи укреплений, служилых людей, оружия и снаряжения, расположения станиц и сторожевых застав, крестоцеловальные и поручные записи, челобитные, розыскные дела, расспросные речи, памяти Разрядного и других приказов, многие из которых опубликованы в различных археографических сборниках. Подробные сведения о землевладении служилых людей, состоянии крепостей, хранящемся в них военном имуществе можно почерпнуть из писцовых книг.

Среди остающихся неопубликованными документальных материалов наибольший интерес представляют росписи русской армии 1629, 1631, 1638 и 1650/1651 гг. Сведения, содержащиеся в этих сводных ведомостях использовал А.В. Чернов, однако при подсчете численности отдельных разрядов служилых людей им были допущены ошибки. Определенную ценность представляют документы, посвященные засечному строительству, прежде всего наказная память засечному голове Михаилу Колупаеву, возглавлявшему работы по возведению укреплений в Тульском уезде. Документ датирован 1554 г. Введение его в научный оборот позволяет отбросить сомнения в существовании засек под Тулой, высказанные В.П. Загорским. Также следует отметить большой комплекс поручных записей, данных посадскими людьми белозерским посадским старостам, «земским советным людям» и целовальникам по новоприборным стрельцам. Важным представляется факт зачисления на службу охочих людей на земском, а не царском жалованье, со своими самопалами. Эти обстоятельства были продиктованы временем проведения прибора, осуществлявшегося весной 1613 г., когда ослабевшая государственная власть могла руководить страной лишь в тесном контакте с «выборными земскими советными людьми».

В этих условиях даже стрелецкие головы и сотники не назначались Москвой, а избирались «миром».

В работе над книгой использованы акты из коллекции П.П. Шибанова (ОР РГБ), существенно дополняющие наши представления о событиях, происходивших на южных рубежах Московского государства в 40-х гг. XVII в. Среди находящихся в этой коллекции документов Чугуевской и Короченской съезжих изб большинство затрагивает вопросы организации обороны приграничных русских уездов, сообщает о вооруженных столкновениях с татарскими

отрядами, состоянии укреплений и имеющемся вооружении. Лишь некоторые из актов, содержащих сведения об организации службы в Короченском остроге, были опубликованы. Уникальным по важности представляется сообщение о переводе в Чугуев 200 московских стрельцов. Информация об этом содержится в грамоте от 13 декабря 1642 г. местному воеводе Ивану Никифоровичу Бестужеву, которому предписывалось оказать содействие командовавшему стрельцами голове Богдану Озеренскому. Она позволяет опровергнуть утверждение о том, что принятое в начале 1640-х гг. решение московского правительства об устройстве на житье в южных городах 1200 московских стрельцов было реализовано лишь частично, путем перевода двух стрелецких сотен в Усерд. Наиболее категорично настаивал на этом В.А. Александров, не нашедший в фондах РГАДА других документов о переводе московских стрельцов в южные города. Обнаруженная нами в фондах ОР РГБ грамота об устройении в Чугуеве «на вечное житье» 200 московских стрельцов свидетельствует о том, что правительственная программа выполнялась не только в Усерде, но и в Чугуеве, а возможно, и в других южных крепостях.

В XVI—XVII вв. создается ряд наставлений и уставов, посвященных регламентации службы ратных людей. Первым значительным памятником такого рода стал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», составленный в 1571 г. особой комиссией во главе с кн. М.И. Воротынским. К участию в ней были привлечены также станичные головы и вожи, знавшие слабые места в действовавшей системе пограничной обороны. Зарубежный и русский опыт военных действий конца XVI—XVII вв. был обобщен в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки», подготовленном подъячим Посольского приказа Онисимом Михайловым на основе изучения переводных сочинений и собственного опыта. Наконец, после появления в составе русской армии полков солдатского, драгунского и рейтарского строя, появилась необходимость в печатных наставлениях для обучения военному делу новобранцев. Отчасти потребность в них была реализована публикацией в 1647 г. значительным тиражом (1200 экз.) труда И.И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты», в русском переводе получившим название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Другая группа источников представлена нарративными памятниками: летописями, хронографами и воинскими повестями XVI—XVII вв.

Подробные сведения о событиях русской военной истории конца XV – начала XVI в. содержат Софийская, Воскресенская, Ермолинская, Львовская, Вологодско-Пермская, Типографская, Тверская, Новгородская IV, Псковские 1 и 2, Холмогорская, Устюжская, Иоасафовская летописи, Степенная книга царского родословия, Архангелогородский и Двинский летописцы, летописные записи Марка Левксинского, Летописчик Игнатия Зайцева, краткие летописцы Кирилло-Белозерского монастыря.

Крупнейшим памятником русского летописания XVI в. является Никоновская летопись, получившая свое название по одному из списков, принадлежавших патриарху Никону. В первоначальной редакции ее изложение доводилось до 1520 г., однако ряд списков Никоновской летописи (Патриарший и др.) дополнен рассказом о событиях середины XVI в. и более позднего времени. Многие известия Никоновской летописи уникальны, они дошли до нас только в составе этого свода.

Официальную трактовку общественно-политическому развитию Московского государства конца XVI – начала XVII вв. дал «Новый летописец». Он был завершен, как показывает анализ отраженных в памятнике событий, летом 1630 г. (после рождения царевны Анны Михайловны 14 июля и до 1 сентября 1630), однако работа по составлению летописца началась в середине 20-х годов XVII в. Исследователями отмечалось, что памятник по названию примыкает к летописям, а по содержанию и характеру принадлежит к историческим повестям. Внутренняя целостность этого произведения и тождественность в оценке схожих исторических событий указывает на принадлежность «Нового летописца» одному автору, которого, по

мнению Платонова, отличали объективность и последовательность в изложении. В «Новом летописце» перечислены все основные события Смутного времени и междуцарствия 1610—1612 гг., описывается произошедшее в феврале 1613 г. избрание царем Михаила Федоровича Романова, рассказывается о первых годах его правления.

В ряде случаев сообщения «Нового летописца» дополняют сведения летописей, опубликованных в 34-м томе «Полного собрания русских летописей» (Пискаревского, Московского и Бельского летописцев), а также летописей и летописцев XVII—XVIII вв., хранящихся в ОР РГБ.

К указанной группе источников относятся и хронографы – сочинения по всемирной истории, пришедшие на Русь из Византии, Болгарии и Сербии, заметно расширенные из-за подробного освещения событий российской истории. Основная редакция Хронографа 1512 г., повествование которой завершалось событиями 1452 г., подверглась основательной переработке и была дополнена сведениями, относящимися к российской истории XVI – начала XVII в. Особенно следует выделить «вторую» редакцию русского хронографа, созданную в 1617 г., до окончания польско-литовской интервенции и заключения Деулинского перемирия. Главной ценностью источника является то, что его содержание положено в основу последующей русской историографии, что объясняется популярностью распространенного в сотнях списков хронографа редакции 1617 г.

Хронографом долгое время считалась и опубликованная часть «Столярова хронографа» («Хронографа Столяра», «Столяровского хронографа»), принадлежавшего Н.М. Карамзину и от него получившего свое название. В настоящее время установлено, что «Столяров хронограф» включает в себя Хронограф русской редакции 1512 г.; статьи Хронографа редакции 1617 г.; «Сказание о родословии великих русских государей и великих князей, и царей...»; оригинальное произведение, охватывающее события 1604—1644 гг., автором которого считается Б.Ф. Болтин, ряд других сочинений. В «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», изданном А.Н. Поповым, опубликована была оригинальная часть «Столяровского хронографа» – сочинение Б.Ф. Болтина. По мнению А.И. Маркевича и С.Ф. Платонова, опубликованная часть «хронографа Столяра» – довольно подробная разрядная книга частного происхождения. В то же самое время ряд мест памятника, по признанию Платонова, приближается к летописным показаниям.

Традиционно ценным источником о противоборстве Московского государства и Казанского ханства считается Казанский летописец (Казанская история), написанный в 1564—1565 гг. освобожденным из татарского плена русским служилым человеком. Многие сведения, приводимые автором, представляют определенный интерес, но, при сопоставлении с летописными и актовными материалами, часто не подтверждаются. Поэтому ряд исследователей относят это сочинение к источникам, не заслуживающим доверия.

Первостепенную важность при изучении событий военной истории Московского государства середины XVI в. представляет «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, закончившего сочинение в 1570-х гг.

К числу часто используемых исследователями нарративных источников относятся также сочинения Авраамия (в миру Аверкия) Палицына и дьяка Ивана Тимофеева. Автор первого, начавший свою служебную карьеру воеводой в Кольском остроге и Холмогорах, затем постригшийся в монахи и в 1608 г. ставший келарем Троице-Сергиева монастыря, подробно описал завоевание Казани, последующую борьбу с продолжавшими сопротивление татарами и марийцами, первые походы русских воевод эпохи Ливонской войны и войны Смутного времени.

В произведении дьяка Ивана Тимофеева (Семенова) существенным является сообщение об организации обороны Москвы во время нашествия Гази-Гирея в 1591 г., его оценка междоусобиц начала XVII в., иностранной военной интервенции.

Наиболее известными из воинских повестей XVI—XVII вв. являются «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», «Повесть о победах Московского государства», «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Первое из этих произведений посвящено самому крупному из заключительных событий Ливонской войны, подвигу защитников Пскова, отразивших нашествие «лютого великого зверя», каким изображен автором повести польский король. Стилистика сочинения близка другим памятникам эпохи, таким, как «Степенная книга» и «История о Казанском царстве».

Воинскую повесть о событиях Смутного времени написал анонимный автор (смоленский дворянин), в 1612—1613 гг.

служивший в Нижегородском ополчении. В ней, помимо сообщения автором новых сведений о походе М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве, о сведении с престола царя Василия Шуйского, содержится ряд ценнейших известий об организации Нижегородского ополчения, его переходе в Ярославль, «стоянии» там и о последующем походе к Москве.

Ценнейшим источником является «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Автор ее детально описывает сборы донцов весной 1637 г. в поход, осаду турецкой крепости, сделанный под стены Азова подкоп, штурм города, оборону его от татарских и ногайских орд, поражение огромного султанского войска, оставление в 1492 г. по приказу царя Михаила Федоровича (по решению Земского собора, устранившегося грозящей войной Турции).

Источниками, воспроизводящими многие подробности событий XV—XVII вв., являются сочинения (мемуары, записки, дневники) современников, оставивших описание русского войска, его вооружения, действий в войнах конца XV – середины XVII вв. К этой группе относятся: обширный труд посла австрийского императора Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг.; сочинения английских дипломатов Джильса Флетчера, Джерома Горсея, их австрийского коллеги Иоанна Фабра, трактаты иезуита Антонио Поссевино, направленного римским папой Григорием XIII в Москву с целью склонить царя Ивана IV к принятию католичества. Папский посланник был очевидцем последних событий Ливонской войны, участвовал в заключении Ям-Запольского перемирия между Московским государством и Речью Посполитой. Ценные сведения о русском войске содержат путевые записки путешественников Ричарда Ченслера, Томаса Бэннистера и Джона Дэкета, второго капитана на корабле Х. Уиллоби Климента Адамса, опричников Генриха Штадена, Иоанна Таубе и Элрета Крузе, витебского коменданта Александра Гваньини, «Ливонская хроника» Бальтазара Рюссова, сообщение Энтони Дженкинсона, описавшего происходившие в Москве в 1557 г. артиллерийский и стрелковый смотры. К сожалению, в нашей литературе сведения Дженкинсона о численности участвовавших в смотре стрельцов были искажены. Подробнее этот факт будет рассмотрен во 2-й книге трактата. Подробные сведения о России и русском войске собрал Франческо Тьеполо, книга которого «Рассуждение о делах Московии» посвящена была не только географическому описанию страны, но и состоянию ее крепостей, численности вооруженных сил, их размещению в мирное и военное время. Организации русской армии посвятил отдельную главу своей книги, вышедшей в Падуе в 1680 г., Яков Рейтенфельс. Его интересовала численность войска, его устройство, подготовка военнослужащих. По мнению Рейтенфельса, «главная сила русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам». Многие сведения этого автора подтверждают факт существования в России постоянного войска, численность которого он определил в 100 тысяч человек. Большая часть из них несла службу на границах страны. Немало ценной информации сообщил своему правительству шведский военный агент капитан Эрик Пальмквист, включенный в посольство Г. Оксеншерны для сбора сведений о русских вооруженных силах. Особый интерес вызывает сделанная им на профессиональном уровне характеристика московской артиллерии.

Большой пласт мемуаров и дневников оставила Ливонская война. О шедших тогда боевых действиях рассказывается в записках каштеляна Гнезниского Яна Зборовского, старосты

Ковельского и Гродненского Луки Дзялынського, австрийского посланника в Москве Даниила Принца фон Бухау, секретаря польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III Рейнгольда Гейденштейна. Особый интерес вызывают рассказ Александра Полубенского, командовавшего польскими войсками в Прибалтике, об осаде и взятии Вольмара во время Ливонского похода Ивана Грозного 1577 г. и пребывании автора в русском плену и сочинение неизвестного очевидца Венденской битвы 1578 г., закончившейся тяжелым поражением московского войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.